

АЛАСДЕР МАКИНТАЙР

Бессознательное

Понятийный анализ

Предисловие и библиография

I. Введение

II. Фрейдовская версия бессознательного

III. Слова и понятия, относящиеся к сознанию

IV. Описание и объяснение

V. Теория и терапия

Предисловие и библиография

Многие авторы философских работ по психоанализу пытались сразу разрешить все вопросы, указав статус суждений психоанализа. Поэтому в самом начале следует, пожалуй, отметить одно обстоятельство, многократно указываемое мной в этом очерке: применительно к этой теме меня интересует только одно центральное понятие психоанализа, несмотря на его взаимосвязь с другими понятиями, делающую невозможным отделение нашей темы от родственных тем. Я признаю тот факт, что теория психоанализа настолько сложна и разнообразна, что, распутать упомянутый мной клубок значит оказаться только в самом начале. Должен сказать, что разрыв между теорией и терапией, на который я в этом очерке указываю, уже по большей части преодолен в метапсихологиях Мелани Кляйн и Фэрберна. Но для исследования этой темы пришлось бы написать отдельную работу.

В данном очерке ссылки в основном сделаны на следующие работы:

I. Психоаналитические труды:

Ernest Jones. *Sigmund Freud: Life and Work*. Vols. I and II. (Hogarth Press).

Sigmund Freud. *The Interpretation of Dreams* (Hogarth Press).

— *Collected Papers: Vol. IV: Paper V. Repression. Paper VI. The Unconscious*. (Hogarth Press).

Из известных мне работ по терапии, отдельно от описания клинических случаев, наиболее интересными являются следующие:

Sigmund Freud. *Collected Papers: Vol II: Paper XXVI. Observations on 'Wild' Psychoanalysis. Papers XXXI–XXXIV. Further Recommendations in the Technique of Psychoanalysis*. (Hogarth Press).

James Strachey. *The Nature of the Therapeutic Action of Psychoanalysis*. *International Journal of Psycho-Analysis*, 1934, Vol. XV.

II. *Философские труды:*

Основополагающими работами для современных дискуссий являются «Понятие сознания» профессора Гилберта Райла и «Философские исследования» Людвиг-а Витгенштейна. Важными также являются:

Stephen Toulmin. 'The Logical Status of Psycho-Analysis'.

Antony Flew. 'Psycho-Analytic Explanation'.

Richard Peters. 'Cause, Cure and Motive'.

Все нижеследующие работы были опубликованы в журнале *Analysis*, а также изданы в сборнике «Философия и Анализ» под редакцией Маргарет Макдональд (издательство Blackwell).

J. A. Passmore. 'Intentions' *Aristotelian Soc. Supp.* Vol. XXIX, 1955.

D. J. McCracken. 'Motives' *Aristotelian Soc. Supp.* Vol. XXVI, 1952.

J. Anderson. 'Mind and Feeling' *Australasian Journal of Philosophy and Psychology*. Vol. XII, 2.

A. G. N. Flew. 'Motives and The Unconscious' in *The Foundations of Science and the Concepts of Psychology and Psychoanalysis* (Minnesota Studies in the Philosophy of Science).

Richard Peters. 'Freud's Theory' *British Journal for the Philosophy of Science*, Vol. VII, No. 25, 1956.

Последняя работа является лучшим из известных мне примеров изложения теории Фрейда, проясненной логическим анализом. Она заслуживает места под обоими библиографическими заголовками.

Наконец, мне бы хотелось выразить свою признательность м-ру Давиду Хэмлину, чьи неопубликованные работы мне во многом помогли, м-ру Рою Холланду и профессору Д. М. Эммету, чья критика во многом улучшила мою рукопись, а также всем коллегам, слишком многим, чтобы перечислять поименно, которые меня многому научили.

*Университет Лидса. А. Макинтайф
Октябрь 1957*

Глава первая. Введение

Из всех понятий, выработанных за последнее время психологией, ни одно не произвело на общественное сознание такого впечатления как понятие бессознательного. Для этого, без сомнения, существует много причин, но одна из них выделяется. Она заключается в том, что это, по сути, простое понятие, похоже, способно связать гораздо более широкий спектр несоизмеримых явлений человеческой жизни и заключить под одну категорию необузданные и нарушенные, а также монотонные и нормальные действия людей с большим успехом и легкостью, чем любое другое из до сих пор выдвинутых объяснительных понятий. Похоже, что способно, а не просто способно, поскольку я говорю лишь о заявленных претензиях и произведенных впечатлениях, а не об установленных фактах. Важность этого различия может быть проявлена только посредством рассмотрения этих

претензий совместно с амбициями психологов. Психология сегодня — это область, представляющая поразительный контраст. С одной стороны в ней имеет место огромное количество основательных экспериментальных и клинических исследований, происходящих поэтапно. Устанавливается большое разнообразие взаимосвязей между разными аспектами поведения и чувств человека. Но по большей части подобная работа имеет очень схематичную теоретическую основу. В то же время психологи очень озабочены необходимостью развивать обстоятельные теории. Они склонны сравнивать современное состояние их науки с состоянием, в котором пребывала физика непосредственно до Ньютона. В то время физики установили большое количество соотношений на низком уровне (low-level correlations) между различными физическими явлениями, пронаблюдали множество различных постоянных следствий, таких как следствия, заключенные в законы планетарного движения Кеплера. Но необходим был теоретический гений Ньютона, чтобы объяснить весь спектр этих явлений с помощью нескольких простых понятий, способных быть выраженными математически, таких как понятие гравитационного притяжения. Тем не менее, доньютоновские физики имели одно преимущество перед современными экспериментальными психологами, заключавшееся в том, что они не знали, что ждут Ньютона. Стремление же психологов к обстоятельной теории приводит к тому, что они окружают туманом, состоящим из амбиций, то, что на самом деле является лишь видимостью трудолюбия и достижения результатов и заслуживает разве что интеллектуального уважения, и очень напоминает ожидание теоретического Годо.

Однако, это только одна сторона картины. Существуют также и те, кто считает, что психологии не нужно ждать своего Ньютона и, не потому, как это можно было бы утверждать, что само желание ньютоновской трансформации психологии некорректно понято, а потому что психология уже нашла своего Ньютона. Сложные и запутанные теоретические структуры, воздвигнутые Фрейдом и Юнгом, ярко контрастируют с зачастую несвязной и фрагментарной работой эксперименталистов. Здесь по сравнению с экспериментальной областью имеет место обратное затруднение. Взаимосвязь различных понятий настолько тесна, что порой очень сложно убедиться в том, как на самом деле связаны наблюдения, приведенные в качестве основания для системы и ее ключевых понятий. Поэтому было бы очень уместным исследовать обоснование таких понятий, и данный очерк в первую очередь имеет целью исследовать то, как обосновывается понятие бессознательного.

Этот вопрос, по крайней мере, в той форме, в которой он здесь поставлен, не является эмпирическим. Это вопрос не о том, насколько хороши свидетельства наличия бессознательного сознания, а о том какое вообще свидетельство релевантно для утверждений о бессознательном, и какие причины достаточны для обоснования подобных утверждений. Нас интересует не правильность наблюдений Фрейда и его последователей, а сущность их теоретической интерпретации. В данной работе предлагается логический анализ одного теоретического понятия, и все сделанные заключения будут надлежащим образом выводимы из данного анализа. Мы не ставим целью исследование успеха психоанализа как терапевтического метода. Но это не значит, что цель данного исследования не имеет ничего общего с терапевтическим успехом. Ибо, если бы психоанализ не достиг ощутимого успеха в излечении психических расстройств, подобное

исследование было бы лишено всякой возможной важности. Мы ведь не тратим время на анализ теоретических понятий астрологии.

Одно из наиболее очевидных свойств понятия бессознательного порождает новое затруднение, связанное с направлением исследования. Оно заключается в том, что в отличие от понятия электрона, не существует единственно ясного понятия бессознательного. У Фреда оно одно, у Юнга другое, и неопределенное, по всей видимости, третье. Но приоритеты в данном случае вполне очевидны. Дело не только в том, что фрейдовская концепция бессознательного сама по себе заслуживает анализа, но также и в том, и это является историческим фактом, что из нее выходят все другие концепции (это, по крайней мере, касается концепций, одновременно претендующих на статус научности и обстоятельности). Следовательно, причина обращения к фрейдовским работам ясна. Но к которым из фрейдовских работ? Идеальным методом, если бы он был возможен, было бы рассмотрение нескольких избранных текстов, в которых суть фрейдовской доктрины была бы ясно изложена. Но дело в том, что понятие бессознательного рассмотрено наиболее подробно в теоретических очерках Фрейда, и в них зачастую очень мало внимания уделено непосредственно клиническому материалу, на прояснение которого и направлено само понятие. Поэтому для получения полной картины необходимо обращаться как к описаниям отдельных клинических случаев, так и к теоретическим очеркам, как, разумеется, к более систематическим работам.

Еще одно предварительное замечание: иногда утверждается, что необходимым условием для понимания психоаналитической доктрины является основательный и успешный анализ и, что отказ от принятия некоторых аспектов этой доктрины является симптомом бессознательного сопротивления, препятствующего усмотрению истины. Автор в самом начале вынужден признать, что он не удовлетворяет подобному требованию, если оно вообще таковым является. Но простое логическое различие, пожалуй, устранит все возможные возражения против того, что я вообще взялся за подобное предприятие. Следует всегда отличать причины, приведшие человека к принятию определенного набора убеждений от оснований, которые можно привести в поддержку этих убеждений. В поддержку своей позиции я буду приводить основания, достоверность которых не будет зависеть от истинности какой-либо причины, приведшей меня к выдвижению этой позиции. Если психоаналитикам покажется, что я неправильно представляю Фрейда, или делаю неправильные выводы относительно его достижений, надеюсь, это будет для них поводом прояснить подлинную психоаналитическую доктрину, чтобы она впредь не была так неверно понята. В начале, пожалуй, также следует сказать, что я не захотел бы даже начинать работу над подобным очерком, не будь я убежден в неоспоримом величии Фрейда.

Глава вторая. Фрейдовская версия бессознательного

В этой главе моей целью будет представление открытия Фрейдом бессознательного в его собственных терминах и комментариев, необходимый лишь для прояснения двусмысленностей по ходу объяснения. «Обычно считается, — пишет доктор Эрнест Джонс, — что главным вкладом Фрейда в науку... было его понятие бессознательного сознания». Но доктор Джонс сразу же отмечает то, что сам Фрейд сказал на праздновании своего семидесятилетия: «Поэты и филосо-

фы открыли бессознательное до меня. Я же открыл научный метод, по которому бессознательное может изучаться». Упоминание «поэтов и философов» не является просто туманной ссылкой. Что касается поэзии, то нам стоит лишь вспомнить произведения немецкого романтизма, а из интересующих нас философов наиболее примечательным считается философ-психолог Герbart. Сходство между понятиями бессознательного Фрейда и Гербарта являются поразительным, но ключевое различие проявляется в основаниях, которые они для них приводят. Согласно Герbartу, бессознательная психическая деятельность является простым следствием сознательных состояний. «Наука знает больше, чем опыт, только потому, что переживаемое на опыте невысказуемо без рассмотрения того, что скрыто. В опыте необходимо проследить следы того, что движется и действует “за кулисами”!» Сам Фрейд иногда говорит нечто подобное, но соображения, приведшие его к принятию понятия бессознательной психической деятельности, были, разумеется, гораздо глубже. Ибо из сущности и наличия как таковых обиденных явлений сознания — что бы мы ни имели в виду под этим не слишком счастливым словом — мы не можем с достоверностью вывести существование бессознательной деятельности. В «Принципах психологии» Уильям Джеймс имел дело с теми, кто утверждал наличие бессознательного сознания, основываясь на таких примерах, как временное отсутствие памяти, или моменты, когда решение задачи само приходит в голову спустя некоторое время после того, как мы оставили задачу, долго и безуспешно над ней просидев. Ибо, может быть, в сознании все происходит именно следующим образом: подобные вещи не требуют объяснения, если только мы допускаем, что они происходят иначе, чем мы ожидаем. Но у нас нет неотъемлемого права на подобное допущение. Допустим, у нас есть право на поиск фона для сознательной психической деятельности, который оказывал бы каузальное влияние на сознание. Этого нам все равно не достаточно для введения бессознательного в качестве такого фона. Ибо нам хорошо известно о существовании такого фона в мозге и центральной нервной системе. Одновременно очевидной и достоверной областью для поиска причин, объясняющих сознательную психическую деятельность, является область исследования невролога. Именно здесь Фрейд и начал поиск подобных причин. Но из-за слабости и неудач нейрофизиологических объяснений, приводимых его учителями, он перешел к развитию альтернативного вида толкования.

В данной работе, будь я даже достаточно для этого компетентен, не будет представлено подробное историческое рассмотрение фрейдовского развития в годы, когда оформлялись его теории, т. е. на стыке прошлого и нынешнего веков. В любом случае биография, написанная доктором Джонсом, сделала всякое подобное рассмотрение излишним. Но из повествования доктора Джонса, представляющего поразительное мастерство владения материалом, вытекает, что никакой гладкой и ясной истории на самом деле нет. Фрейд двигался к своим центральным понятиям одновременно с разных направлений. Отправной точкой для обсуждения могла бы послужить его критика нейрохирургии и лечения гипнозом, самоанализ или подробная разработка сновидений, примером которой является случай Доры. В то же самое время излишнее внимание к одному из этих аспектов может оказаться опасным. Из-за того, что Фрейд не слишком осторожен с терминологией, в разных местах акцентируются разные детали, но если прочитать все его ранние работы, то его центральные утверждения

проясняются. Эти два обстоятельства довольно усложняют точное толкование. В качестве отправной точки для развития теорий Фрейда я буду рассматривать его отказ от нейрофизиологии, но, надеюсь, будет понятно и то, что существует несколько способов, с помощью которых можно было бы описать это развитие. Все они допустимы в равной степени.

Неспособность вылечивать психические расстройства с помощью физических методов, равно как и неспособность дать какое-либо объяснение даже единичным случаям излечения (на которую, отметим, не повлияли даже большие успехи этих методов), были особенно заметными в случаях истерии. Исследование истерических параличей показало, что в их основе лежала не какая-нибудь определенная объективная анатомическая или физиологическая причина, а субъективные и, как правило, ошибочные убеждения пациента. Это неуклонно свидетельствовало о необходимости контролировать паралич психическим, а не физиологическим воздействием. Основанием для поиска причин данных убеждений вне сознания служил тот факт, что пациент их не осознавал. В работе, написанной Фрейдом и Брейером, афористически постулируется то, что позднее станет доктриной Фрейда: «истерические пациенты страдают главным образом от воспоминаний». Чтобы прояснить сказанное, необходимо ввести два других ключевых для Фрейда понятия, а именно понятие травматического события и отреагирования. Травма — это эмоционально важное происшествие, такое, что, либо оно само, либо его обстоятельства являются настолько болезненными, что порождаемая эмоция не может найти выражение. Отреагирование — это высвобождение сдерживаемой эмоции. О нем Фрейд знал по опыту работы с пациентами, подвергавшимся гипнозу. Это высвобождение связано с воспоминаниями, которые в нормальном сознании недоступны. Травматическое событие и отреагирование Фрейд и Брейер относят к этиологии истерии с помощью третьего понятия, которое Фрейд сделал своим собственным. Это понятие вытеснения. Травма приводит к вытеснению эмоции, вызывающей невротические симптомы, такие как, например, симптомы, проявленные при истерических параличах, до тех пор, пока она не будет отреагирована. К избавлению от симптомов можно прийти лишь при нахождении выхода для вытесненной эмоции, отличного от развития этих симптомов, т.е. через нахождение способа для отреагирования. Травматическими событиями могут стать испуг, стыд, физическая боль. В контексте этой конкретной работы Фрейд и Брейер связывают эти понятия с несколькими тезисами, представляющими неизменный каркас для теории Фрейда, но от которых он впоследствии либо отказался, либо просто не упоминал. Травма порождает воспоминание, отягченное эмоцией, которая вызвана самой травмой, но вовремя не нашла выражения, и, будучи вытесненным, это воспоминание появляется вновь в форме невротических симптомов, которые являются защитой личности от вытесненной эмоции и от которых можно избавиться, найдя способ высвобождения эмоции. Наступил решающий момент в развитии понятия бессознательного. Бессознательное — это область вытесненных воспоминаний и эмоций. Введение понятия бессознательного в таком виде связано с двумя аспектами, предположительно восходящими к Фрейду, и совсем не к Брейеру, поскольку они, похоже, связаны с влиянием Гербарта и, быть может, Brentano, учителем Фрейда в философии. Первый аспект заключается в том, что картина вытесненного воспоминания

составлена в терминах гербартовой «психологии идей». Смысл слова «идея» здесь схож со смыслом, придаваемым этому слову британским эмпиризмом, и особенно Локком. Идея — это отдельный элемент психической жизни, находящийся в разнообразных связях с другими такими же элементами. Фрейд рассматривает воспоминание о травме как такую «идею». Такая идея может в большей или меньшей степени быть отягощена чувством, и, чтобы высвободить чувство, нам необходимо привести эту идею в сознание. Даже в тех случаях, когда Фрейд не употребляет это слово, концепция «идей» преобладает в развитии понятия бессознательных сущностей. Вторым аспектом является то, что подобное рассмотрение, в котором идеи практически трансформируются в сущности, приводит к пространственным метафорам. Во многих своих ранних работах Фрейд выступал против попыток локализовать в физиологических или, более точно, неврологических терминах каузальные механизмы психоневрозов. Но то, как он говорит, например, о воспоминаниях, приводит к новому виду локализации, а именно к рассмотрению сознания как места или нескольких мест, в которых передвигаются идеи. Позже будет прослежено то, как Фрейд пришел к топографическому рассмотрению сознания, в котором бессознательное является областью. Но сначала нам необходимо исследовать отношение между понятийными инновациями Фрейда и его новым терапевтическим методом.

Лечение психических расстройств с помощью психоанализа было настолько революционным терапевтическим подходом, что исследование того, как фрейдовская прозорливость развилась из его опыта работы с методами гипноза, может существенно преуменьшить ее уникальность. Но собственные фрейдовские описания процесса анализа искажены тем, что он развивал этот процесс одновременно с развитием своих теоретических понятий, поэтому он практически никогда не дает чисто описательной оценки психоанализа. Поэтому ни историческое рассмотрение, ни пересказ одного из фрейдовских примеров не дадут нам необходимого описания, не использующего теоретических понятий для изложения метода, а демонстрирующего то, как практика этого метода привела Фрейда к принятию этих теоретических понятий. Поэтому я постараюсь привести простое нетеоретическое описание психоаналитической терапии. Это описание будет скорее иметь форму типа: «А затем случилось то-то и то-то, и потом...», чем форму типа «И, следовательно,...» Ибо при нетеоретическом рассмотрении ничего не будет объясняться: объяснение — это функция теоретических понятий. Конечно, терапевтический метод, в котором ничто не объясняется, и который поддается лишь прагматистскому обоснованию, был бы довольно необычным для принятия методом (хотя и не намного более странным, чем физические методы современной психиатрии). Фрейд никогда не предлагал такого метода и не рассматривал в подобном качестве психоанализ, и поэтому никогда не давал такого нетеоретического описания психоаналитической терапии. Таким образом, мое описание будет в высшей степени искусственной абстракцией того, что на самом деле говорил Фрейд.

В психоанализе пациент говорит, сообщая все, что приходит ему в голову. Таким образом, он на самом деле склоняется к тому, чтобы подробно останавливаться на одних темах и постоянно к ним возвращаться и пропускать другие. Когда он задерживается на какой-нибудь теме или выражает сильную эмоцию, аналитик предлагает ему интерпретацию сказанного. Чем дальше продвигает-

ся анализ, тем чаще пациент переходит от обсуждения взрослой жизни к обсуждению детства, и забытые события восстанавливаются в памяти. Это воспоминание сопровождается высвобождением эмоции. За высвобождением эмоции, в свою очередь, следует смягчение невротических симптомов, явившихся изначальной причиной обращения к психоанализу. Такое схематичное описание теперь должно быть расширено, и по мере его расширения мы увидим, как теоретические понятия занимают свои места. От обсуждения взрослой жизни пациент обращается к обсуждению детства *потому, что* преодолено сопротивление принятию интерпретации аналитика относительно вытесненного воспоминания травматического события. Здесь термины «сопротивление», «вытеснение» и «травматическое» являются теоретическими, а не описательными. Начнем с прояснения термина «травматическое». Изначально Фрейд разделял взгляд Брейера на травму, как на событие, вызывающее невротические симптомы. Но очень скоро он отказался от рассмотрения появления невроза как первого события в цепочке каузальных отношений и стал рассматривать его как конечный пункт такой цепочки причинно-следственных связей, восходящей к раннему детству. Следовательно, назвать событие травматическим уже не значило просто сказать, что это событие с необходимостью предшествовало неврозу. Признаком того, что событие является травматическим, стало его эмоциональное обсуждение в течение анализа, с предшествующим сопротивлением его признавать. Следовательно, само использование этого слова представило объяснение. Оно, например, связало событие из детства с симптомом взрослого. В принципе, событие, которое можно было бы назвать травматическим, доступно наблюдению, но сказать, что оно является травматическим, значит выйти за пределы наблюдения. Это значит утверждать наличие связи, подобно всем теоретическим связям недоступной для наблюдения, между двумя наблюдаемыми событиями.

При объяснении значения термина «травматическое» уже была сделана ссылка на термин «сопротивление», которые также является не описательным, а теоретическим, основополагающим для теории термином. Пациент не помнит некоторых событий детства; когда в процессе свободных ассоциаций он к ним приближается, то проявляет эмоцию повышенной возбужденностью или каким-то другим способом; когда аналитик высказывает предположение, что он избегает ссылки на эти события, пациент всячески отказывается от признания такой интерпретации своего поведения: из всего этого аналитик заключает, что пациент сопротивляется требованию вспомнить определенное событие. Но *ex hypothesi*¹ пациент не осознает факта сопротивления. Сказать, что пациент сопротивляется воспоминанию, значит объяснить и описать его поведение. Сходным образом дело обстоит и с «вытеснением». Фрейд иногда высказывает предположение о том, что из наличия сопротивления можно вывести факт вытесненного воспоминания. Иногда он говорит, что его можно вывести из простой неспособности вспомнить. Но, как и сопротивление, вытеснение с необходимостью является бессознательным. *Ex hypothesi* пациент не может помнить вытеснения. Аналитик не может наблюдать вытеснения. Наблюдаемое поведение он объясняет с помощью гипотезы о вытесненном воспоминании.

¹ согласно гипотезе (*лат.*) — здесь и далее прим. перев.

Таким образом, ясно, что психоаналитический метод Фрейда, также как и его доктрина сознания, основываются на определенных теоретических понятиях, которые могут быть поняты лишь в терминах друг друга. Такая тесная взаимозависимость понятий в общем переплетении основной теории не является новшеством в истории науки. На ум сразу же приходит взаимосвязь понятий «массы», «скорости» и «силы» в ньютоновской механике. Но ясно также и то, что обстоятельная теория, чьи понятия так тесно связаны друг с другом, в еще большей степени требует обоснования как единое целое. И понятие бессознательного представляет собой эту общую теорию. Ибо все понятия, которые мы уже встретили, сходятся в единой концепции Бессознательного, как области неосознаваемой нами психической деятельности. В нашем изложении мы достигли этапа, на котором становится понятным, почему было представлено такое понятие как «бессознательное», и какую функцию оно выполняло.

Фрейд указывает на то, что психоневротические симптомы берут свое начало в детском опыте. Он не заинтересован в простом утверждении каузальной связи между симптомами и детством, основанием которой было бы наблюдаемое соответствие между двумя явлениями. Он хочет привести более общее объяснение, в котором ненормальное психоневротическое и нормальное поведение связываются с множеством предшествующих условий *посредством* нескольких простых теоретических понятий. Среди этих понятий центральное место занимает понятие «бессознательное». Но, как мы уже видели, феномены человеческого поведения, объяснять которые призвано это понятие, *prima facie*² попадают в сферу нейрофизиологического объяснения. И, поскольку Фрейд изначально был нейрофизиологом, не удивительно, что он писал работы, пытаясь привести подобное объяснение. Эта попытка имеет не только историческую значимость. Я постараюсь показать, что нейрофизиологическое объяснение предоставило модель, оказавшую влияние на выработку Фрейдом понятия бессознательной психической деятельности.

В 1895 году Фрейд предпринял попытку написать систематическую работу по психологии для неврологов. В ней он привел систему объяснения, в которой все психические явления понимались как результат взаимодействия определенных материальных элементов в соответствии с определенными базовыми законами. Это оригинальное и очаровательное *tour de force*³, в котором современные достижения нейрофизиологии искусно сочетаются с предрассудками материализма XIX века, рассматривающего ньютоновскую механику как архетип любого достоверного научного объяснения. С одной стороны, Фрейд вводит понятие нервной клетки или нейрона (название, данное Вальдейером в 1891 году), а также его взаимосвязь с другими нейронами. С другой стороны, он их понимает в типичном редуccionистском стиле, т. е. вся психическая жизнь рассматривается в терминах материи и механики. Формула «материя в движении» здесь всегда находится где-то рядом. (Пожалуй, самую высокую оценку эта формула получила в «Анти-Дюринге» Энгельса.) В самом деле, согласно определению Фрейда, научная психология является наукой, рассматривающей психические явления в терминах материальных состояний, изменения которых поддаются

² на первый взгляд (*лат.*).

³ проявление изобретательности (*фр.*).

измерению и подчиняются законам механики. Сознанию надлежит занять свое место среди обитателей «вселенной бильярдных шаров», подчиняющейся законам ньютоновской механики.

Нейроны являются носителями количественно исчислимого возбуждения, получаемого от внешних стимулов или от тела. О возбуждении, которому Фрейд приписывает неопределенный ярлык Количества, можно сказать две вещи. Во-первых, нейроны выделяют количественно измеряемое возбуждение через нервные ткани. Во-вторых, согласно понятию, представленному в совместной работе Фрейда и Брейера, общее Количество, «сумма возбуждения», не изменяется. Фрейд подробно излагает систему нейронов в терминах этих двух базовых аспектов. Но, прежде чем мы перейдем к рассмотрению деталей фрейдовской неврологии, следует сделать два замечания относительно базовой структуры. Первое заключается в том, что здесь мы имеем дело с простой гидравлической моделью: вода, находящаяся в системе, перетекает из одного места в другое, на определенном этапе поступает в систему и покидает ее, но внутри системы всегда остается в одном и том же объеме. Второе замечание заключается в том, что эта модель способна предложить новые направления для поиска объяснения или новых феноменов. С помощью схожей гидравлической модели Лоренц объясняет поведение животных. Польза от модели Лоренца в том, что она дает нам возможность установить соотношение некоторых на первый взгляд разных типов поведенческих реакций на стимулы. Но в случае Лоренца мы имеем дело с моделью, которая является моделью и ничем больше. Лоренц, например, использует эту модель, чтобы объяснить, почему после того, как реакция вызывалась в течение определенного времени, интенсивность реакции уменьшается (резервуар почти пуст), и, когда реакция не вызывалась в течение длительного времени, она может быть вызвана вообще без стимула (резервуар переполнен). Модель будет восприниматься с большей серьезностью, по мере того, как она будет охватывать все большее количество фактов. И ни на одном этапе не будет смысла выражать недовольство относительно того, что у нас нет свидетельств существования «воды» или «резервуара». Выразить подобное недовольство означало бы предположить, что мы имеем дело с реальностью, а не с моделью, с гипотезой о том, что происходит внутри животного, а не со способом изображения фактов его поведения, со словом «почему», а не со словом «как-бы». С фрейдовской теорией нейронов дело обстоит как раз наоборот. Здесь мы имеем гипотезу, т. е. откровенную попытку сказать, что происходит в нервной системе. И поэтому имеет смысл спросить, каковы свидетельства существования того, что перетекает, чем бы оно ни являлось, и какова его природа. Если бы Фрейд придавал значение этим вопросам, он бы продвинулся в направлении, избранном Шеррингтоном и более поздними неврологами. Но Фрейд совсем не придавал значения подобным вопросам. Он допускает общую теорию нейронов и Количества для объяснения особых, интересующих его явлений. Важная идея, выводимая из общей структуры его неврологии, заключается в том, что количество возбуждения в системе остается неизменным: ибо в понятии о том, что при потере возбуждения баланс восстанавливается, мы имеем зачаток понятия человека, как системы, стремящейся к равновесию. Позднее это понятие получило первостепенное значение в нейрофизиологии, но нейрофизиологи здесь ничем не обязаны Фрейду. Этапами нейрофизиологической дискуссии были такие утверждения как то, что импульсы, синаптически переда-

ваемые от нейрона к нейрону являются электрическими, что можно создавать электронные аппараты, в которых электронные элементы выполняют функцию, схожую с функцией нейронов, что такие аппараты могут быть саморегулирующимися посредством устройства отрицательной обратной связи, что нервную систему можно представить по аналогии с таким аппаратом. В свои поздние работы Фрейд перенес понятие личности, как системы, стремящейся к равновесию, но использовал он его иначе. Где заложено это различие станет ясно, если мы обратимся к рассмотрению особенностей его теории нейронов. Затем мы увидим, что он находился под влиянием этой теории даже после отказа от нее.

Важно отметить, что подробности этой ранней теории Фрейда опираются только на общие соображения: они не подтверждены каким-либо детальным указанием на свидетельства физиологического наблюдения или эксперимента. Во-вторых, его неврология является не только спекулятивной, но и написанной в терминах психологии. Излагая то, как функционирует нервная система, невролог определяет, по крайней мере, обязательные и иногда достаточные каузальные условия, которые должны быть соблюдены для того, чтобы наша психическая жизнь и наше поведение протекали так же, как в действительности. Но, как невролог, Фрейд не заинтересован в описании этой жизни и поведения, и в его докладах при объяснении причин психических явлений не используется терминология, применяемая для подобных описаний. Например, когда кто-то говорит «Мне бы хотелось...», этому сопутствуют определенные события в нервной системе. Задача неврологии заключается в том, чтобы сказать, так ли это, и частью чего эти события являются, но желание само по себе не является предметом исследования неврологии. Иногда создается впечатление, что Фрейд проводит это различие, но, как правило, он рассматривает желание как составной элемент, как «субъективный аспект», как неврологическое событие. Таким образом, вся жизнь сознания становится одним из аспектов неврологических процессов, и язык, соответствующий его описанию, становится частью неврологической оценки. Это важно потому, что вскоре мы увидим эту же путаницу, только наоборот: описание психической жизни и поведения будет дано в терминах нейрофизиологии.

Фрейд различает три класса нейронов: ϕ -нейроны, которые осуществляют передвижение импульсов возбуждения внутри системы, и отвечают за чувственное восприятие; ψ -нейроны, которые находятся под постоянным воздействием прошедшего передвижения, и обуславливают память; и ω -нейроны, необходимые для того, чтобы удерживаемые воспоминания или получаемые чувственные данные становились осознанными. Все процессы психической жизни или поведения являются функциями от протекания Количества через эти нейроны. Я не предлагаю детально проследить позицию Фрейда, а лишь предлагаю обратить внимание на одно важное и неизбежное для него различие. Основные инстинктивные стимулы, обуславливающие то, что Фрейд называет желаниями, являются следствием движения возбуждения, которое иногда течет свободно, а иногда встречает препятствие из группы нейронов, которой Фрейд дает название «эго». Это препятствие со стороны эго не позволяет сильным инстинктивным стимулам порождать конечные продукты, неотличимые от конечных продуктов, порождаемых стимулами внешнего мира. Иными словами, оно препятствует появлению галлюцинаций. Беспрепятственное, свободно текущее возбуждение Фрейд называет «первичными процессами» его системы, а сдерживаемые и перенаправленные

потоки «вторичными процессами». Первичные процессы протекают для обеспечения разрядки нейронов и последующего удовлетворения личности, которое Фрейд уже определяет как Удовольствие. С помощью вторичных процессов проводятся различия между внешними и внутренними, инстинктивными стимулами. Мы можем отличать и воспринимать детерминированную внешнюю реальность. Здесь мы уже встречаем конфликт между принципом Удовольствия и принципом Реальности. «Первичные процессы» действительно первичны, поскольку они отчасти объясняют вторичные, но не *наоборот*. Они являются базовыми явлениями в неврологическом объяснении Фрейда, представленными в качестве детерминированных физических процессов или транзакций опознаваемых физических сущностей, местоположение которых может быть точно указано.

Фрейд решительно и бесповоротно отказался от попытки нейрофизиологической интерпретации вскоре после создания своей «в высшей степени сложной и необычайно изобретательной рабочей модели сознания, как части неврологического механизма» (выражение Джеймса Стречи), но мое главное на этом этапе убеждение заключается в том, что Фрейд сохранил образ сознания, как части рабочего механизма и всего лишь описал в терминах психологии то, что изначально задумывалось как неврологическая теория. Для обоснования этого убеждения, нам теперь следует обратиться к первому расширенному теоретическому утверждению Фрейда из «Толкования сновидений».

В этой работе Фрейд полностью отбросил физиологическую установку. Он мог уже написать (1898): «Я вовсе не склонен оставлять область психологии подвешенной в воздухе, без какого-либо вещественного основания. Но я не обладаю соответствующим теоретическим или терапевтическим знанием, и поэтому я буду иметь дело только с психологическим аспектом». Тем не менее, в седьмой главе «Толкования сновидений» он сохраняет большую часть теоретической структуры, использованной в работах по неврологии. При переходе от неврологии к психологии сохранились такие элементы, как понятие «желания», как основополагающей движущей силы человеческого поведения, психическая энергия, распространяемая по разным частям системы, различие между первичными и вторичными процессами и многие другие. Это объясняет ту легкость, с которой Фрейд, говоря о сознании, переходит на топографический язык. Фрейдовская картина сознания, как набора мест, в которых движутся различные сущности, является, парафразируя и несколько изменяя выражение Гоббса, «привидением центральной нервной системы, сидящим в короне на ее гробу». На самом деле Фрейд применяет к явлениям, обнаруженным при психологических исследованиях, объяснительную схему, взятую из неврологии.

Но что это за явления? Это симптомы пациентов, страдающих от истерий и неврозов навязчивых состояний, сны, а также черты взрослого характера, такие как те, которые Фрейд изучал в ходе своего самоанализа. Жаль, что Фрейд впервые представил свою разработанную теорию в качестве теории, в первую очередь направленной на объяснение сновидений. Но его последующие утверждения однозначно проясняют сходство объяснения сновидений и объяснения невротических симптомов. Мы уже видели как такие понятия как «вытеснение» и «травма» связаны с невротическими симптомами. Теперь нам предстоит увидеть, как они встроены в разработанное Фрейдом объяснение работы сознания. В изложении этого описания моей целью будет показать, как можно яснее,

логическую структуру фрейдовской теории. Несмотря на то, что охватываемая мной область будет по большей части определена содержанием седьмой главы «Толкования сновидений», я буду придерживаться собственного порядка описания. Это описание будет состоять из трех частей. Во-первых, я скажу несколько слов о природе самих явлений, на объяснение которых направлена эта теория. Во-вторых, укажу на действительный набор понятий, введенных для объяснения этих явлений. В-третьих, поставлю под вопрос предлагаемый Фрейдом метод обоснования этого объяснения.

Обратимся к рассмотрению природы явлений. Здесь мы видим ряд более детальных вопросов, на которые Фрейд дает ряд ответов. Почему люди страдают от неврозов, снов и проч.? По причине прошлых событий в их жизни и в первую очередь из-за определенных событий детства. Почему эти события вызывают невротическое поведение? Потому что за ними следует вытеснение. А что именно в этих событиях вызывает вытеснение? Почему невротические симптомы имеют именно такие особенности? И так вопросы могут продолжаться. Фрейд пытается объяснить не только наличие невротических симптомов и снов, но и соотношение этих симптомов с предшествующими (травматическими) событиями. Более того, фрейдовское объяснение, как и все научные объяснения, выходящие за рамки установления простого соответствия, распространяется как на ненормальное и исключительное поведение, так и на нормальное. Фрейдовское объяснение распространяется на все сферы человеческого поведения, иначе Фрейд не смог бы сравнить эффект своей работы с эффектом работы Коперника. Поэтому не удивительно, что наряду с меланхолией, навязчивыми привычками и чрезмерной тревогой, внимание уделяется и таким нормальным явлениям как сны, оговорки и шутки.

Далее следует объяснение этих явлений. Теоретическая структура здесь будет более ясной, если ее представить в обобщенной форме. Возьмем какое-нибудь психическое явление или определенное поведение такое, как навязчивый ритуал, сновидение или ряд сновидений, оговорка или что угодно еще. Причинные факторы, достаточные для того, чтобы породить это поведение, можно разделить на те, которые предрасположили человека к такому поведению, и те, которые непосредственно его вызвали. Ненормальность невротического поведения заключается в диспропорции или несоответствии между порождающими поведение причинами и самим поведением. Например, человек отказывается от возможности получить работу, к которой так долго стремился. Данный пример не демонстрирует степень несоответствия. Человеку, внезапно испытывающему клаустрофобию или kleptomанию, не покажется, что он реагирует на какую-то определенную ситуацию. Фрейдовское объяснение этого или любого другого поведения частично заключается в том, что, как бы невероятно это не казалось, всякое поведение является реакцией на определенную ситуацию, направленной на получение максимума наслаждения и минимума страдания из этой ситуации. Тезис Фрейда о том, что «сновидения являются исполнениями желаний» только часть более общего тезиса о том, что все поведение — это в глубоком смысле исполнение желаний. Следовательно, мы не можем не задать двух вопросов: (i) Чем именно обусловлены наши желания, исполнить которые мы пытаемся таким странным образом? (ii) Какие ситуации вызывают такое *prima facie* неправдоподобное поведение? Ответом на первый вопрос будет то, что наши осново-

полагающие желания являются следствием инстинктивных желаний и множества их вариаций, полученных в результате сдерживания или перенаправления. Эти желания сдерживаются, во-первых, требованиями реальности, и, во-вторых, мучительным характером определенных ситуаций, ведущих к вытеснению желания в его изначальном направлении и его перенаправлению. Раннее детство является формирующим периодом жизни, во время которого требования реальности выражаются сначала в биологических потребностях, а затем в требованиях и уступках со стороны родителей. То что происходит с ребенком, не говоря уже о его собственном представлении о происходящем с ним, создает материал для травматических событий. Таким образом, определенные типы реакции на мир оказываются для ребенка настолько болезненными, что воспоминание о них вместе с эмоцией, выражающей инстинктивное желание в основе реакции, вытесняются из сознания. Инстинктивное желание может быть исполнено, только каким-либо иным образом. Поэтому в результате детских травм в личности имеют место *два* аспекта, а именно ряд болезненных воспоминаний, которые невозможно осознать с помощью обычных средств, и склонность реагировать определенным образом на определенные ситуации, так, чтобы минимизировать сопутствующее страдание. Следовательно, наше взрослое поведение объясняется на основе трансформации некоторых инстинктивных желаний (которые являются бессознательными и не должны идентифицироваться с биологически наблюдаемыми процессами). Если трансформация осуществляется с минимумом конфликтов, то результатом будет нормальное поведение, если же трансформация произошла с дефектами, то следствием будет ненормальное поведение. В сновидениях мы допускаем бессознательные желания, измененные под воздействием цензуры и сгущения, в ограниченное сознание сна.

Очевидно, что перенос неврологического различия первичных и вторичных процессов из физиологии в психику был осуществлен без особых изменений, за исключением того факта, что теперь мы имеем дело с областью ненаблюдаемого. Первичные процессы все еще представляют область несдерживаемого потока. Об этой области доктор Эрнест Джонс пишет: «В ней доминирует несдерживаемый поток, стремящийся к исполнению желания, которое является единственной вещью его порождающей. Он не поддается законам логики или причинным ассоциациям; для него не существует понятия времени или внешней реальности. Его целью является либо разрядка возбуждения через любой возможный выход, либо, если первое не удалось, установление перцепционной — а при необходимости и галлюцинаторной — идентичности с чувством предшествующего наслаждения, находящимся в воспоминании» (Sigmund Freud: Life and Work, p. 436).

Вторичные процессы — это те, в которых функции сдерживания со стороны реальности и страдания перенаправляют поток психической энергии. В них также имеет место стремление к высвобождению в явном и осознанном поведении. Но это высвобождение может быть осуществлено только в соответствии с преградами, сооруженными реальностью и страданием. Процесс мышления сам по себе является результатом вторичных процессов, стремления к максимально возможному удовлетворению. «Мышление», — пишет доктор Джонс, «это всего лишь сложный и запутанный путь к исполнению желаний». «К исполнению желаний» — вследствие первичных процессов, «сложный и запутанный» — вследствие вторичных.

Первичные процессы являются первичными не только потому, что они основополагающие для объяснения, но и потому, что в них представлена стадия раннего детства, инфантильная стадия развития, на которую накладываются вторичные процессы. Невротическое поведение является регрессией к самым основным типам реакций и поэтому также и к инфантильным типам реакций. Но прежде чем можно будет понять воспоминания, нам следует вернуться к теме вытеснения.

Каким образом функционирует понятие вытеснения в разработанной Фрейдом теории? Вытеснение происходит при избегании страдания во вторичных процессах. (Надеюсь излишне говорить, что используемое в тексте слово «страдание» (pain) обозначает не физическое страдание, а противоположность слову «удовольствие» (pleasure). Доктор Джонс, например, называет его Неудовольствием (Unpleasure). Но английским эквивалентом различия между «Lust» и «Unlust» в немецком языке является «pleasure» (удовольствие) и «pain» (страдание).) Воспоминания, причиняющие страдания, являются вытесненными. Выражение «причиняющие страдание» (painful) имеет также сексуальный подтекст. Подтверждение того факта, что поток психической энергии имеет сексуальный характер и, что взрослая сексуальность происходит из перенаправления этого потока посредством вытеснения, Фрейд находит в особом внимании, которое его пациенты уделяли сексуальным вопросам при описании травматических событий, в открытиях, сделанных в ходе его самоанализа, а также в аналогии между детскими реакциями и сексуальным поведением во взрослой жизни. При анализе материала сновидений в «Толковании сновидений» Фрейд вынужден обратиться к этой аналогии. Но в вопросе сексуальности фрейдовским идеям еще предстояло детально развиваться.

Мы достигли того момента, когда уже можно осмыслить разработанное Фрейдом понятие бессознательного. Мы можем указать шесть пунктов, которые окончательно определяют место, занимаемое бессознательным, и его функции.

(i) Формально Бессознательное отличают от Сознательного и Предсознательного. Предсознательное — это то, что, не находясь в сознании, может быть осознанно обычными интроспективными методами. Бессознательное — это область, состоящая из того, что не может быть осознанно таким образом. Проще говоря, термин «Бессознательное» имеет негативное определение, и наше понимание того, что под ним обозначается, зависит от нашего первоначального понимания термина «сознание». Но в действительности термин «Бессознательное» изначально определяется на основе всей теории Фрейда, поэтому для того, чтобы понять, что имеет в виду Фрейд, вовсе не обязательно отвечать на сложные вопросы о значении термина «сознание». Собственные аналогии и метафоры Фрейда зачастую решительно бесполезны. Когда он говорит, что «бессознательное — это подлинная психическая реальность; в своей сущности оно также нам неизвестно, как и реальность внешнего мира, оно дано нам также опосредовано через данные сознания, подобно внешнему миру, о котором мы знаем из данных наших органов чувств», создается впечатление, что он делает из бессознательного своего рода кантовскую *ding-an-sich*⁴, недоступную по определению. Но сделать подобное заявление, значит, сде-

⁴ вещь в себе (нем.).

лать Бессознательное негативной категорией, не постижимой и, следовательно, неправдоподобной сущностью. В действительности, у Фрейда это понятие получает позитивное определение по тем же причинам, которые привели его к выдвигению этого понятия. Эти причины сводятся к его общей теории. Если вся теория обоснованна, то, значит, обоснованно и понятие бессознательного. Относительно этого определения необходимо указать на одно обстоятельство, а именно на проведение ключевого различия между Бессознательным с одной стороны и Предсознательным и Сознательным с другой.

(ii) Бессознательное — это область первичного процесса. Некоторые вторичные процессы также являются бессознательными, но не стоит забывать, что они представляют собой перенаправленные первичные процессы. Доктор Джонс называет первичный процесс «ядром понятия бессознательного». Без понятия первичного процесса не было бы понятия бессознательного.

(iii) Фрейд сам говорил, что для понимания бессознательного необходимо уяснить основное различие между *ego* и *вытесненным*. Позднее Фрейд допускал существование бессознательного, но не вытесненного, и это, на самом деле, заложено в том, что он говорил с самого начала. Но истинным остается то, что все вытесненное становится бессознательным и, что бессознательное желание, как основная и исходная фрейдовская концепция бессознательной психической деятельности, является в своей основе вытесненным желанием. Именно от рассмотрения определенных типов поведения, как следствий вытеснения, Фрейд переходит к пониманию их как продуктов бессознательного.

(iv) Бессознательное является фоном, связывающим раннее детство с взрослой жизнью. С помощью понятия бессознательного становятся понятными такие явления как детская сексуальность, формирование психической энергии (либидо) через детскую сексуальность и вытеснение, последующая форма бессознательных желаний, а также влияние всех этих факторов как на происшествия во взрослой жизни, так и на неизменные черты, свойственные взрослому. Прямое каузальное влияние детства на взрослую жизнь обуславливается именно бессознательным.

(v) Бессознательное — это вездесущий фон для сознательной и открытой психической жизни и поведения. Оно оказывает непрерывное каузальное воздействие на осознаваемые мысли и поведение. Сама форма фрейдовского понятия Бессознательного отчасти восходит к его провозглашению тотального детерминизма. Фрейд позднее утверждал, что, если мы не можем найти для сделанного выбора достаточных, определяющих его оснований, то это значит только то, что факторы, определяющие этот выбор, являются для нас бессознательными.

(vi) Бессознательное — это «место», «область» (мои термины). Это значит, что, провозглашая значимость Бессознательного, Фрейд делает экзистенциальное утверждение. Он не просто предлагает нам инструктивную диаграмму, т. е. модель, на основе которой можно объяснить осознанное мышление и поведение. Он предлагает гипотезу, утверждающую существование в мире ранее неизвестной сущности. Сам Фрейд, а также многие его комментаторы, используют «пространственные метафоры», но и мы, когда в обыденном языке говорим о сознании, также часто используем пространственные термины, не подразумевая никакого пространства. Например, мы говорим, что мысль «промелькнула в уме»

(passing through the mind) или «пришла на ум» (coming into mind). Но в подобных случаях мы легко можем заменить эти метафоры непространственным языком. Например, «на мгновение мне показалось...» или «вдруг я подумал...». Но Фрейд, объясняя, что он имеет в виду, говорит только о процессах, явлениях и сущностях. Поэтому, даже если мы будем рассматривать его пространственный язык как метафорический, это не поможет нам избавиться от гипотезы об определенной существующей реальности.

В 1915 году Фрейд написал важный метапсихологический очерк по «Бессознательному». Нам следует к нему обратиться только для подтверждения правильности приведенного нами разъяснения этого понятия. Во время работы над этим очерком теоретические концепции Фрейда развились в сторону усложнения его системы и увеличения количества введенных деталей. В более ясной форме были изложены роли инстинктов, механизмы вытеснения и т. д. Но общая структура, разработанная им в начале столетия, оставалась неизменной до конца. Собственное объяснение Фрейда понятия Бессознательного представлено следующим образом.

«Бессознательное» — это название системы психических актов. Убеждение в существовании этой системы имеет двойное обоснование: во-первых, с ее помощью мы можем объяснить поведение, не поддающееся объяснению в терминах осознанных намерений; во-вторых, если в психоаналитической практике мы допустим существование Бессознательного, то сможем сделать осознанными содержания, которые пациент не осознавал, и, таким образом, вылечить данное психическое расстройство. Затем вводится различие между Бессознательным, так названным специально, и Предсознательным. Что же находится в Бессознательном? Во-первых, инстинкты являются в нестрогом смысле бессознательными. В нестрогом смысле потому, что инстинктивные импульсы могут стать осознанными лишь в какой-то другой форме, т. е. в образе идей и эмоций, а также потому, что даже в самом Бессознательном инстинкты (как носители импульсов) выступают в образе идей. Следствием вытеснения чувства, аффекта из сознания является бессознательная склонность выразить это чувство, хотя выражено оно может быть по-разному в зависимости от клинического случая. В результате вытеснения эмоциональный импульс может быть перенесен с одной идеи на другую, или же просто оставлен в ожидании возможного высвобождения при соответствующей ситуации. В этом смысле бессознательные эмоции резко отличаются от идей. Идея остается бессознательной «как действительная формирующая структура системы Бессознательного». Чтобы осознать идею, недостаточно просто о ней узнать. Аналитик, например, может сказать пациенту что-то, о чем тот забыл, потому что вытеснил идею. Но тот факт, что пациент узнал об этой бессознательной идее, не значит, что он сделал ее сознательной. Для этого ему нужно привести свою бессознательную идею в сознание. («Вы все еще боитесь своего отца», — может сказать аналитик. Но принятие этого пациентом, даже его согласие, отлично от осознания его собственного восприятия отца как объекта ненависти.) Следовательно, «идеи» следует отличать от суждений. Они являются отдельными психическими сущностями, которые, будучи правильно озвученными, все еще резко отличаются от других идей, вербализированных сходным образом.

Идеи и эмоции вытесняются. Но почему? Пример Фрейда взят из случая тревожной истерии. Ребенок пытается выразить любовный импульс, берущий

начало в Бессознательном. Реакция на эту попытку настолько болезненна (родитель отвергает предлагаемую любовь), что импульс вытесняется. При вытеснении происходит отторжение идеи («родительской любви») в Бессознательное, и эмоция представляется в качестве тревоги при отсутствии объекта. Предсознательное не способно справиться с этим обстоятельством, поэтому эмоция прикрепляется к замещающей идее, «которая, с одной стороны, связана посредством ассоциации с вытесненной идеей, и, с другой стороны, не подвергается вытеснению по причине своей удаленности от этой идеи (смещающий заместитель (displacement substitute)), и которая допускает рационализацию не поддающегося контролю выброса тревоги». Эта замещающая идея может, например, выражаться в боязни животных. В данном случае замещающая идея страха перед животным осуществляет две функции: она содействует вытеснению идеи, первоначально прикрепленной к любовному импульсу, а также предоставляет выход для тревоги. Любовь к родителю трансформировалась в боязнь животного. В Бессознательном вытесненная идея сохраняет свой подлинный характер. Вытесненная эмоция находит высвобождение в иной форме. Я несколько расширил этот фрейдовский пример, надеюсь, не исказив его, потому что он иллюстрирует наиболее важное для моей темы обстоятельство, а именно различия между разными типами содержимого, имеющего место в Бессознательном. В третьем с конца параграфе Фрейд заново формулирует вездесущее каузальное воздействие Бессознательного на Предсознательное и Сознательное, подчеркивая те свойства Бессознательного, которые соотносят его с более ранним описанием первичных процессов: «освобождение от взаимного противоречия (подвижность катексиса), *вневременность* и *замещение внешней реальности психической* — всё это свойства, которые мы можем найти в процессах, относящихся к системе Бсз». Фрейд продолжает: «Бессознательные процессы можно наблюдать только в сновидениях или неврозах...», и все эти свойства могут быть поняты на основе сновидений. Ибо в сновидениях мы сочетаем несочетающиеся события, сильные эмоции прикрепляются к различным объектам и с легкостью переносятся, обычная временная последовательность иногда представляется в нарушенном или обратном порядке, и мы замещаем объекты внешнего мира психическими конструктами. Но в контексте обсуждения шизофренических нарушений языка Фрейд называет еще одно свойство Бессознательного. При шизофрении фразы и предложения употребляются вне всякого контекста, из которого их можно было бы понять. Согласно Фрейду, здесь имеет место тот факт, что идея, обычно прикрепляемая говорящим к соответствующему выражению, такова, что происходит ее вытеснение в Бессознательное. Вербальное выражение идеи становится оторванным от того, что Фрейд называет конкретной идеей. Из этого Фрейд делает вывод, что различие между сознательной и бессознательной идеей заключается в том, что сознательная идея с необходимостью выражена в словах, а бессознательная нет. Она является чем-то довербальным, потенциально вербализуемым, но не состоящим из слов: «сознательная идея содержит конкретную идею, а также соответствующую ей вербальную идею, в то время как просто идея относится только к вещи». В этой формулировке есть некоторая туманность, но Фрейд, по крайней мере, утверждает, что бессознательное является областью сущностей («идей»), которые могут стать осознанными только посредством вер-

бального выражения. Его употребление слова «идея», как мы отметили ранее, восходит к философскому словарю Brentano, или даже Локка.

Резюмируя, мы можем сказать, что в сновидениях и психоневротическом поведении мы находим формы выражения и типы реакций, которые можно объяснить, только предположив, что наряду с нашей сознательной психической деятельностью и несознательной, но способной стать таковой, существует область бессознательной психической деятельности, в которой идеи, заряженные психической энергией, различными способами компонуются и замещают друг друга. Идеи, причиняющие психическое страдание, вытесняются в бессознательное, особенно в период раннего детского развития. Эти идеи имеют по большей части сексуальный характер. Взрослые черты характера, как нормальные, так и невротические, обуславливаются успешным или неуспешным опытом детского развития и способностью в настоящем достичь компромисса между требованиями внешней социальной реальности и бессознательным. Сущность этого компромисса выражается в сновидениях и личных привычках, а следствием неудачи в достижении компромисса является невроз или психоз, в зависимости от степени неудачи. На основании наблюдения за невротическими и психотическими расстройствами Фрейд создает теорию, которая, постепенно расширяясь, покрывает все нормальное поведение, обнаруживая различные следствия из его общей теории, объясняющие происхождение искусства, религиозной веры и т. д. Но я не заинтересован в рассмотрении этих обворожительных следствий общей теории Фрейда. Надеюсь только, что мне удалось на данном этапе указать на место, которое в этой теории занимает одно центральное понятие, а именно понятие бессознательной психической деятельности. Ибо для исследования сущности и статуса этого фрейдовского понятия необходимо понимать, что именно имел в виду Фрейд, когда говорил о «Бессознательном».

Глава третья. Слова и понятия, относящиеся к сознанию

Для прояснения того, какие законные сомнения могут возникнуть относительно представления Фрейдом понятия бессознательного, важно уяснить, почему определенного рода возражения, которые чаще всего выдвигались против этого понятия, являются неприемлемыми. Такие возражения можно сформулировать следующим образом. Утверждается, что такие термины, как «желание», «мотив», «страх», отсылают к свойствам обыденной сознательной психической жизни, и в нашем обыденном употреблении этих терминов это обстоятельство изначально предполагается. Когда мы говорим, что у кого-то бесчестные мотивы или навязчивые страхи, мы, по крайней мере, отчасти подразумеваем, что у человека в сознании есть определенные мысли и, именно вследствие этого, мы либо его осуждаем, либо ему сочувствуем. Когда мы оцениваем чьи-то поступки с моральной точки зрения, мы часто пытаемся выяснить намерения человека, его цели и мотивы: делая это, мы подразумеваем, что человек осознавал свои намерения и т. п. и что он в состоянии о них заявить. Если это так, то в случае сочетания с прилагательным «бессознательный», эти термины теряют свой смысл. Иными словами, эти термины по существу призваны описывать сознательные состояния, а предположение о том, что эти состояния могут быть бессознательными, означало бы попытку введения «бессознательных сознательных состояний».

Это возражение приводилось и в более общих терминах. Утверждалось, что не только желания, мотивы и т. п. не могут быть бессознательными, но и вообще ничто не может. Ибо *ex hypothesi* мы не должны осознавать того, что является для нас бессознательным. Но о том, что мы не можем осознавать, ничего нельзя узнать или сказать, поэтому существование бессознательного утверждать нельзя. Философы, приведшие этот довод против Фрейда, только демонстрировали собственную наивность, полагая, что подобные очевидные возражения лингвистического характера могли остаться для него незамеченными. Но они указали на основополагающую необходимость продемонстрировать смысл, которым обладает термин «бессознательное» в психоаналитической теории, а также привести свидетельства, на основе которых утверждается наличие бессознательной психической деятельности. Однако согласиться с требованием о такой необходимости вовсе не значит встать на сторону людей, выдвигающих подобное возражение. И действительно первым шагом должно стать рассмотрение того, как используются обыденные слова, относящиеся к сознанию. Фрейд приписывают новаторство за использование термина «бессознательное». Но какие именно новшества он вводит?

Для наших целей наиболее важным фактом является то, что понятие «бессознательное» и сопутствующие ему термины заранее присутствуют среди обычных слов, используемых для описания психической деятельности.

Дофрейдовские значения слова «бессознательный» можно разделить на две основные категории: (i) «Бессознательный» в качестве прилагательного означает отличный от свойственного человеку (синоним слова «неодушевленный»), а также это слово может иметь значение состояния, отличного от нормального сознательного состояния, например, состояния транса или комы. Это последнее значение, вероятно, является главным и приводит, на наш взгляд, к более интересному классу значений, а именно (ii) значению наречия «бессознательно», отсылающему к какой-либо деятельности или поведению. Здесь имеет место набор различных оттенков значения, которые следует различать. Иногда слово «бессознательно» означает «без сознательного намерения». У. Б. Йейтс приводит цитату своего отца: «Я должен рисовать то, что вижу перед собой. Разумеется, я нарисую что-то иное, поскольку моя природа бессознательно вмешается». В этом примере помимо значения «без сознательного намерения» еще присутствует оттенок «без сознательного усилия». Но это не значит, что Д. Б. Йейтс не отдавал себе отчета в том, что появляется на его холсте. Тем не менее, и такой оттенок иногда заложен в слово «бессознательно», т. е. не в том смысле, что мы просто не предполагаем какое-либо сознательное намерение, но в том, что, занимаясь чем-то, мы это делаем бессознательно. Так в романе Т. Л. Пикока «Усадьба Грилла» преподобный отец Опимиан описывает то, как лорд Сом перенес свое внимание с Мисс Грилл на Мисс Найфет прежде, чем сам понял, что сделал, следующим образом: «Некоторое время молодой лорд провел в уверенности, что все еще заинтересован в Мисс Грилл, тогда как бессознательно и неявно был уже увлечен Мисс Найфет...». Эти примеры позволяют выявить два интересных свойства обыденного языка. Во-первых, слово «бессознательный» и сопутствующие ему слова часто являются двусмысленными: иногда назвать действие бессознательным значит сказать, что оно неизвестно, а иногда, что оно осуществляется неосознанно. Эта двусмысленность, позднее увековеченная Фрейдом,

иногда скрыта вследствие того, что, когда определенную психическую деятельность называют бессознательной, предполагается, как то, что она осуществляется без сознательного намерения, т. е. неосознанно, так и то, что она остается неизвестной, по крайней мере, для человека ее выполняющего, и, быть может, также для других. Но эти два обстоятельства следует различать. Мы обязательно рассмотрим, с чем это различие связано. Во-вторых, когда слово «бессознательно» используется в значении «неумышленно», оно является одним из тех наречий, которые способствуют оправданию поведения, при иной ситуации достойного порицания. Таким образом, обыденный язык, в данном случае, по крайней мере, не подверженный воздействию метафизики или психологии, допускает предположение о том, что поведение человека могло и быть, выражаясь на жаргоне психологов, целенаправленным, но он мог и не осознавать, к чему приведет его поведение. Поэтому можно сказать, что этот человек имел бессознательные (ненаправленные или неумышленные) намерения и, что он не осознавал (*be unconscious of*) (не знал, не предполагал) своих намерений. Он сам или другие люди могут осознать его намерения, после чего он окажется перед выбором превратить свое намерение в сознательное (причем слова «осознать» (*conscious of*) и «сознательное» соответствуют двум употреблениям слова «бессознательный» из предыдущего предложения) или же отказаться от него. До тех пор, пока он не осознал своих намерений, его нельзя за них обвинять, поскольку они могут считаться таковыми лишь в метафорическом смысле. Насколько же точно в данном случае Фрейд придерживается обыденного языка?

Иногда очень точно. Одно замечательное свойство слова «бессознательный» в дофрейдовском смысле — это частота его употребления в произведениях наиболее проницательных писателей-романистов. В работах Генри Джеймса часто можно встретить фразы типа «бессознательно благодарная натура» («Родерик Хадсон») или «бессознательная жестокость ее характера по отношению ко всем его воспоминаниям о ее матери» («Трудный возраст»), а идея бессознательного встречается даже чаще чем само слово. И это не простая случайность. Одной из центральных тем романа является изображение того, как много в поведении и страстях человека не является продуктом сознательного намерения. Фрейд увидел, что он разделял с романистами это открытие нашего собственного незнания себя. Еще в 1895 году он писал: «Я не всегда был психотерапевтом... и мне до сих пор кажется странным то, что описываемые мной истории клинических случаев читаются как *короткие рассказы* и, что им, возможно, не хватает штампа научности. Я утешаю себя тем, что причиной этому является скорее особенность моего предмета, чем мое собственное предпочтение. Дело в том, что с помощью частичного диагноза и электрических реакций невозможно изучать истерию, тогда как детальное описание психических процессов, *таких как, те, что мы находим у писателей-беллетристов*, позволило мне, используя несколько психологических формул, получить, по крайней мере, какое-то понимание этого заболевания». Такое рассмотрение Фрейдом своей теории как образного описания человеческого поведения поразительно, и одним из главных тезисов данного очерка будет утверждение о том, что в работах, подобных цитируемой, Фрейд правильно оценивал свое открытие и метод, приведший его к нему. Но, безусловно, есть и другие отрывки, в которых Фрейд говорит иные вещи. В ранее процитированном отрывке Фрейд

дает описание своей работе, как открытию «научного метода, по которому бессознательное может изучаться». Здесь он использует слово «бессознательное» отлично от обыденного языка, а именно как существительное, а не прилагательное или наречие. В этом и заключается основное новшество. Ибо в тех местах, где Фрейд использует слова «бессознательный» или «бессознательно» он только расширяет уже существующие значение (причем насколько он его расширяет, нам еще предстоит выяснить), но, когда он говорит о существительном «бессознательное», он вводит новый термин, для которого необходимо определить значение и употребление. И в этом нововведении он странным образом находится под влиянием картины сознания, которую сам во многих местах недвусмысленно отвергал.

Я утверждаю, что заявления о том, что фрейдовская теория бессознательной психической деятельности несостоятельна, поскольку желания, мотивы, страхи и т. п. не могут не быть сознательными, являются ошибочными. Важной особенностью таких терминов, как «желание», «страх» и другие, является то, что наряду с описанием индивидуальных моментов сознания и внутренних психических явлений они в обыденном употреблении могут, по крайней мере, частично описывать внешне наблюдаемые модели поведения. Эти модели могут оставаться неосознаваемыми и поэтому называться «бессознательными». Но в том случае, если мы допускаем подобное употребление этих слов, мы вступаем в конфликт с философским изображением сознания, восходящим к Декарту, которое профессор Гилберт Райл назвал «призраком в машине». Маритен назвал его «ангелом в машине», что в некотором смысле является более подходящим вариантом. Ибо, согласно этой позиции, сознание не только отдельно и отлично от тела, но оно и непосредственно знает себя, как ничто иное. Его поступки для него достоверно и интуитивно очевидны. Кроме этого, сознание является треном для интеллекта, т. е. для самосознающего рационального начала в человеке. Очевидно, что Фрейд не считает, что человек в своем обыденном сознании обладает подобной способностью рационального самопознания, и тем самым он отвергает картезианскую картину сознания. Но из картезианской картины Фрейд сохраняет представление о сознании, как о чем-то отдельном, как о месте или области, населенной такими сущностями как идеи. Только он делает акцент не на «сознательном», а на «бессознательном». Он вводит «бессознательное» в качестве прилагательного для описания того, что мы всегда наблюдали, но до сих пор не распознавали и не классифицировали. «Бессознательное» в качестве существительного он вводит не для описания, а для объяснения.

Мы нашли второй источник фрейдовской картины сознания. Фрейдовское описание бессознательного в терминах, выработанных для исследований в нейрофизиологии усиливается картезианской философской традицией, испытавшей влияние Brentano. Концепция бессознательных идей как нефизических сущностей является странной в основном потому, что сама концепция идей, как сущностей, является странной. И, если фрейдовские утверждения о бессознательном и его содержании понимать как гипотезу о таких недоступных сущностях, то тогда возражение относительно того, что, будучи бессознательными, эти содержания не могут быть доступны для сознания, имеет смысл. Но эти утверждения можно понимать и иначе. Конечно, *ex hypothesi* бессознательное и его содержания ненаблюдаемы, и, если бы философия до сих пор находи-

лась бы на стадии войны позитивизма с ненаблюдаемыми сущностями, то тогда концепция бессознательного была бы целиком отвергнута. Но помимо того, что позитивизм, отрицавший ненаблюдаемые сущности, сам был слишком априорным в выборе критериев для принятия или отвержения понятий, он также глубоко заблуждался относительно характера научного теоретизирования. Ибо в таком теоретизировании понятия, относящиеся к ненаблюдаемым сущностям, занимают законное, важное и необходимое место. Поэтому для прояснения сущности понятия бессознательного следует очень серьезно отнестись к возможности того, что оно является именно таким понятием.

При построении научного объяснения нас интересует не только факт существования определенных закономерностей в природе. Открытие закономерной связи между определенными событиями скорее является этапом, предшествующим объяснению. Мы объясняем такие закономерности посредством выдвижения гипотез, из которых выводятся эти закономерности. Таким образом, закономерности в поведении газов при определенных условиях, соответствующих закону парциального давления Бойля и Дальтона, могут быть объяснены на основе гипотезы, согласно которой газы состоят из мелких частиц определенного вида, взаимодействующих по законам ньютоновской механики. Основным требованием для научной теории является не обязательная отсылка только к наблюдаемым явлениям, а возможность выведения из нее утверждений о событиях, которые могут быть подтверждены наблюдением. Но этого не достаточно. Возможность выведения утверждений о закономерностях, на объяснение которых теория изначально была направлена, не должна быть единственным свойством этой теории. В случае правильности нашего объяснения данных закономерностей, мы должны также суметь вывести из него дальнейшие утверждения, проверка которых укрепит нашу гипотезу. Чем больше утверждений можно вывести из гипотезы, тем успешней гипотеза, ибо поиск все большего количества общих типов объяснения является сущностью научного теоретизирования. Поэтому научная теория может состоять из нескольких уровней. Утверждения, составляющие эту гипотезу, можно расположить внутри дедуктивной схемы, с наиболее общими и логически сложными утверждениями наверху и утверждениями наблюдения внизу. Понятия, относящиеся к ненаблюдаемым сущностям, займут место на верхних ступенях дедуктивной лестницы, если, используя их, мы сможем сформулировать формальные утверждения, из которых можно будет вывести истинные утверждения наблюдения, и которые, в свою очередь, не могли бы быть выведены из этой теории без формальных утверждений. Типичными примерами подобных понятий являются понятия электрона и гена. Возможно, понятие бессознательного обладает подобным логическим статусом.

На данном этапе, однако, следует вспомнить, что также существовали понятия, которые были признаны несостоятельными по причине отсутствия наблюдаемых и выводимых из их основополагающих утверждений следствий, или, по крайней мере, дальнейших наблюдаемых следствий, помимо тех, которые они изначально объясняли. Таким было понятие эфира. Поэтому решающим становится вопрос о том, является ли бессознательное, подобно электрону, важным объяснительным понятием, или же, подобно эфиру, фальшивкой и пустым теоретическим понятием.

Теперь мы можем видеть, что исследование фрейдовского понятия бессознательной психической деятельности необходимо распадается на две части. Во-первых, мы имеем дело с дополнениями, внесенными Фрейдом, в каталог психических событий, среди которых бессознательные желания, тревога и т. п. представлены наравне с сознательными. Здесь Фрейд расширяет обычный язык, который обеспечивает основу его работы. И на данном этапе эта работа заключается в описании. Поэтому вопрос, связанный с его понятиями, заключается в том, удастся ли Фрейду с их помощью описать то, что без них описывается некорректно или вообще не поддается описанию. Во-вторых, Фрейд не ограничивается расширением списка психических событий и состояний. Он приводит объяснение этих событий и указывает на их связь с ранним детством. В данном объяснении понятие «бессознательное» (*the unconscious*), выражающее концептуальное новшество с помощью лингвистического новшества, играет ключевую роль. Следовательно, мы имеем дело с «бессознательным» не только как с описательным термином, но и как с объяснительным термином. Фрейдовская теория бессознательной психической деятельности должна подвергнуться этим двум различным исследованиям.

Глава четвертая. Описание и объяснение.

Фрейдовская теория занимает место между двумя блестящими, но неправильно направленными монолитными попытками объяснить человеческое поведение, нацеленными на исправление картезианской теории сознания. Согласно одной позиции, Декарт был прав в том, что рассматривал физический мир в подчинении механическим законам причинности, и не прав в приписывании миру психического независимости от этих законов, за исключением тонкой шишковидной железы, как посредника между ними. Поэтому следует уравнивать объяснение ментальных состояний и явлений с объяснением физических состояний и явлений. Сторонниками этого взгляда в восемнадцатом веке были, например, Дидро и Ламетри. Их современными преемниками в Америке являются такие теоретики-бихевиористы, как Толмен и Халл, чьи теории обучения представляют поведение состоящим из набора реакций на внешние стимулы, где сущность и качество реакции определяется каузальными факторами установки. До настоящего времени эти теории смогли полностью представить лишь поведение крыс, но их использование для объяснения человеческого поведения рассматривается их защитниками лишь как вопрос времени. На другом полюсе находятся те, кто восхищается картезианской автономностью сознания и отрицает всякую возможность его зависимости или даже связи с физическим миром. Представителями этого течения являются современные французские экзистенциалисты, Сартр и его последователи. Для Сартра все значимое человеческое поведение является продуктом выбора человека. Вы являетесь тем, чем вы являетесь, вследствие своего собственного выбора. Это утверждение распространяется не только на действия, но и на мировоззрение и эмоции. Ваша грусть — результат вашего выбора быть грустным. Предшествующих условий определяющих человеческое поведение не существует. Сложность, связанная с обеими позициями заключается в том, что каждая из них противоречит неопровержимым свойствам человеческого поведения. Ибо бесспорно, что с одной стороны процессы

оценки и аргументации, имеющие место в сознании и оказывающие влияние на наше поведение, никогда не смогут быть адекватно объяснены на основе стимула и реакции, если только валидность причин как причин не будет рассматриваться как каузальность (Кант). С другой стороны, очевидно, что большая часть жизни сознания оформляется под влиянием биологических условий окружающей среды. Но также ясно и то, что каждая из этих двух позиций представляет отправную точку для объяснения человеческого поведения. Можно спросить «почему?» и ожидать ответа в терминах причин, намерений, и целей и т. п., или же, задав вопрос «почему?» можно рассчитывать на ответ в терминах предшествующих определяющих физиологических и психологических условий. Эта дихотомия остается неизменной, когда упоминаются другие вводящие в заблуждение дихотомии, как, например, противопоставление психических и физических или внутренних и внешних аспектов человеческого поведения.

Фрейд парадоксальным образом подходит к этой дихотомии, усматривая намерения и цели там, где до него видели только причины, и причины там, где до него их не видели. Такой подход к роли намерения в человеческом поведении является примечательным. Вопрос о намерении и связанных с ним понятиях рассматривается современными философами как аргумент Райла против Декарта. И, как правило, они приходят к заключению, что как Райл так и Декарт в определенном смысле правы. Профессор Д. Пассмор, например, приводит две различные модели. Согласно одной из них, «назовем ее «моделью когерентности», считается, что действие является намеренным, если оно является последовательным, направленным на достижение определенного состояния, которое мы можем обозначить как «его цель» или «намерение в основе действия». Вторая модель, назовем ее моделью «планирования» приравнивает намерение к умышленному планированию действия». Фрейд использует обе модели, и, приписывая им различные дополнительные функции, он, в отличие от большинства современных философов, не усматривает в них ключевого различия, препятствующего возможности их свободной взаимозаменяемости.

Затруднение заключается в следующем. Очевидно, что человек может намереваться осуществить определенные действия, ставшие для него привычными. Поэтому он может их осуществлять, не думая о них, наподобие человека, обедающего и одновременно думающего о ценах на фондовом рынке. Но нельзя сказать, что этот человек обедает ненамеренно в том же смысле, в котором он может ненамеренно, по причине рассеянности, выпить кофе из чашки своего соседа. Он намеревался пообедать, но не формулировал это намерение в сознании. Так что человек может сначала намереться что-либо сделать, а потом сделать это, без какого-либо внутреннего ментального планирования, конституирующего его «намерение». Это значит, что, когда мы говорим «он намеревался...», мы имеем в виду то, что мы усматриваем в его действии последовательное приближение к цели, независимо от того, говорил ли он себе об этом действии. Так происходит, например, когда мы, столкнувшись с непонятным для нас произведением искусства, задаемся вопросом о том, что намеревался показать автор или художник. Толкователи и критики пытаются ответить на этот вопрос, не рассуждая о том, что же происходило в сознании автора или художника, а, более подробно изучая работу, стараясь найти в ней когерентную закономерность. На основании таких примеров Пассмор утверждает первую модель «когерентности».

Существует, по крайней мере, два типа случаев, которые можно привести в опровержение этой модели. Когда мы говорим, что кто-то пытается ввести нас в заблуждение относительно своих намерений, мы подразумеваем, что он говорит себе одно, а нам другое и, что он пытается не выдать своими действиями того, что у него на уме. В данном случае мы противопоставляем «намерение», являющееся частью ментального планирования и мышления, внешним действиям, какими бы они ни были. Также очень часто случается, что наши намерения расстроены: то, что мы запланировали, не воплощается в действии. В данном случае предшествующему ментальному планированию не соответствуют никакие действия. Поэтому здесь «намерение» — это то, что имело место только в сознании. Согласно этому соображению, Пассмор предлагает вторую модель.

Прежде чем обратиться к рассмотрению этой дилеммы применительно к Фрейду, следует упомянуть еще три обстоятельства. Первое заключается в том, что нельзя просто сказать, что одна модель подходит для одних ситуаций, а другая для других. Причина этому заключается в следующем: несмотря на то, что мы иногда узнаем о намерениях человека, спросив его об этом, иногда, наблюдая за его поведением, а иногда в результате того и другого, мы все же не имеем в виду нечто различное под словом «намерение» в каждом из этих случаев. Бывает так, что при употреблении фразы «он намеревался...» несущественно различающиеся ситуации сгруппированы вместе, и между ними существует как минимум семейное сходство. Во-вторых, фраза «я намерен...» существенно отличается от фразы «он намеревался...». Когда я говорю «он намеревался...», я нечто описываю, быть может, его действия или мысленные проекты, или же и то и другое; но, когда я говорю «я намерен...», я вообще ничего не описываю. Мое намерение — это не то, что можно описать, или на что можно сослаться, сказав «я намерен...»; в данном случае фраза «я намерен...» может быть понята только *в единственном смысле*, неважно, произношу ли я ее в слух или про себя. Но, бесспорно, бывают случаи, когда мои намерения, конституированные моими словами или мыслями, не согласуются с намерениями, проявляющимися в моем поведении. Если в случае несчастной любви мужчина говорит своим друзьям, что намерен прекратить отношения, но продолжает встречаться с девушкой и посылать ей подарки, что можем мы сказать о его подлинных намерениях? Мы можем сказать несколько вещей: что он был неискренен, когда сказал об этом, что он не знал своих собственных намерений, или что в нем сталкиваются два намерения. Для того чтобы выбрать один вариант, необходимо применить определенные критерии. Мы можем с уверенностью заявить, что в этом человеке сталкиваются два намерения, если только у нас нет достаточных свидетельств его неискренности, или же (на наш взгляд более интересный случай) если оказывается, что он не способен осознать противоречие между тем, что он говорит и делает. В данном случае мы можем сказать, что он не знает своих намерений, но, быть может, яснее будет сказать, что одно намерение у него сознательное, а другое, то о котором он не подозревает, бессознательное. Прежде чем мы вернемся к Фрейду, отталкиваясь от такого употребления слова «бессознательное», следует отметить третье обстоятельство. Это не просто дилемма о «намерении» и его применении, она распространяется на все слова, относящиеся к намеренным и целевым аспектам человеческого поведения. Таким словам, как «цель», «мотив», «желание», свойственна двоякая интерпретация. На самом деле, имен-

но в терминах «мотива» по большей части проводится дискуссия между Райлом и его критиками. Для Райла, мотив — это диспозиция вести себя определенным образом при определенных условиях. Таким образом, приписать мотив, значит, сказать нечто о поведении, о склонностях вести себя определенным образом. Мистер Д. Д. Мак-Кракен, как и многие другие, утверждал, что мотивы, по крайней мере иногда, являются событиями также как и диспозиции или вместо них. Амбициями Макбета было то, что происходило у него в голове, и что привело его к известным поступкам. Здесь относительно «мотива» можно сказать все, что мы уже сказали о «намерении». Конечно, сказать, что «мотив», «намерение», «желание» и т.д. являются схожими, вовсе не значит не учитывать их различий. Но для наших целей на данный момент большее значение имеют сходства. Как же в таком случае все это связано с фрейдовской трактовкой намеренных аспектов человеческого поведения?

Фрейд утверждает, что определенные типы невротического поведения являются следствием бессознательной мотивации. Невротик обладает целями и намерениями, о которых не подозревает. Поскольку он о них не подозревает, то и не способен их признать. В данном случае Фрейд, похоже, использует слово «намерение» для описания схемы поведения. Однако основным свойством психоанализа является то, что невротик приходит к осознанию и признанию цели своих действий. Только после того, как это случилось, он может изменить свои намерения и в свете приобретенного знания исправить свое поведение. Такое признание со стороны пациента говорит о том, что аналитик правильно интерпретировал мотивацию невротического поведения. Но до тех пор, пока пациент, *наконец*, не признает свое намерение, интерпретация аналитика считается ошибочной. Слово «наконец» — это слово, подразумевающее практически бесконечное множество поворотов и изменений ориентиров, из которых состоит анализ. Конечно, факт вскоре наступающего отрицания, а порой даже резкого неприятия, пациентом интерпретации аналитика своего поведения, является свойством психоневроза. Иногда это отрицание может длиться очень долго. Но также существуют случаи успешного анализа. Поэтому психоаналитик не может сделать для себя факт согласия пациента с правильностью интерпретации за определенный период времени необходимым критерием правильной интерпретации мотивации действия. Но под правильной интерпретацией поведения психоаналитик *подразумевает* ту интерпретацию, которую принял *бы* пациент в случае соблюдения определенных условий. Эти условия зависят от характера и этиологии расстройства пациента. Таким образом, намерением или целью пациента в его невротическом поведении является то, что проявляется в его поведении, и что он признал бы, если бы этому не мешало его расстройство. Поэтому значение понятия «намерение» проясняется с помощью безусловной отсылки к поведению, с дополнением гипотетической отсылки к признанию. Именно так следует понимать понятие намерения и родственные ему понятия в их дофрейдовском употреблении.

Когда мы приписываем кому-либо намерение, цель или мотив, мы не только утверждаем существование склонности к определенному поведению или схемы в их поведении. То, что мы делаем дополнительно к этому, проявляется в проведении различия между высказываниями о причинных свойствах и высказываниями о диспозициях, присущих людям, в которых слово «диспозиции» употреб-

ляется в своем обычном значении. Свидетельство, необходимое для обоснования утверждения «соль растворима в воде» — это просто факт растворения соли, тогда как свидетельством, необходимым для обоснования утверждения «Смит амбициозен», является нечто большее, чем факт его амбициозного поведения. Важное различие между солью и Смитом, между вещами и людьми, заключается лишь в том, что люди могут говорить о своем поведении. И, в конце концов, важно будет спросить самого Смита о его поведении. Ибо всегда имеет смысл сказать, что, похоже, что Смит амбициозен, поскольку он ведет себя определенным образом, но может оказаться, что на самом деле он не амбициозен; но было бы бессмысленно говорить о растворившейся соли, что, похоже, она растворима, но, может быть, и нет. К тому же в данном случае уместным будет не только спросить самого Смита. Мы проследим дальше за его поведением и за тем, насколько оно соответствует нашему утверждению. Но решающей проверкой все равно будет реакция Смита, когда мы его спросим о его амбиции. В случае ее признания со стороны Смита, у нас будут все нужные нам свидетельства и, на самом деле, все из возможных свидетельств. Если же Смит не признает своей амбиции, то тогда ему придется привести альтернативное объяснение своего поведения. Если ему это удастся, то нам придется пересмотреть нашу оценку. Если не удастся, то мы столкнемся со случаем бессознательной амбиции в обычном дофрейдском смысле слова «бессознательный». Если же, указав Смицу соответствующим образом на его амбицию, мы сталкиваемся с неспособностью с его стороны признать свою амбицию, то тогда мы имеем дело с бессознательной амбицией в смысле, близком к фрейдскому пониманию слова «бессознательный». (В данном примере для нас является несущественным то, что слово «бессознательный» для последователя Фрейда будет описывать не «амбицию», а что-нибудь вроде «страха перед отцом».) Если отрицание Смитом этой черты его характера будет особенно непреклонным, то мы будем рассматривать его практически как признание. Кстати следует отметить, что при обычном приписывании кому-либо мотива или намерения мы склонны рассматривать согласие, как подтверждение, но несогласие не обязательно как опровержение нашей интерпретации. Нечто подобное мы видим в отношении психоаналитика к реакции пациента на его интерпретацию. Те, кто критиковал за это Фрейда и его последователей, упустили эту связь между отношением к бессознательным мотивам в обыденной речи и фрейдовским методом. Эта связь, как я утверждал, заключается в том, что оба элемента намеренного действия, а именно последовательность в поведении и возможность ее признания, являются существенными как в обыденном, так и в фрейдовском применении понятий мотива и намерения. Все те случаи, в которых философы усматривали намерение, *только* в качестве последовательности действия являются случаями, в которых действующий субъект признавал намерение при соблюдении определенных условий. И поэтому тот факт, что его намерение может и не оказаться продуктом сознательной психической деятельности, является несущественным. Важно то, что произойдет, *если* спросить об этом самого субъекта. Таким образом, фрейдовское пронизательное использование этого понятия проливает свет на наш обыденный язык. Разница между невротическими и не-невротическими мотивами и целями заключается в разнице условий, которые необходимо соблюсти для того, чтобы субъект смог признать свои мотивы и цели. Но в конце концов намерение — это то, что должно

быть признано. Следовательно, рассмотреть теорию Фрейда, значит, утвердить истинность высказывания Витгенштейна в «Философских исследованиях» (247), вызвавшего критику со стороны Пассмора: «Только ты можешь знать, было ли у тебя такое намерение». Это можно сказать кому-то, объясняя ему значение слова «намерение». В таком случае это означает: мы употребляем данное слово *таким образом*. (А слово «знать» означает здесь, что выражение неуверенности лишено смысла)»⁵. Последователь Фрейда в данном случае указал бы на то, что Витгенштейн говорил «*можешь* знать», а не «знаешь».

Я так подробно рассматривал вопрос об общих элементах в дофрейдовских и фрейдовских понятиях, потому что это поможет прояснить то, что в действительности делает Фрейд, когда он приписывает бессознательную мотивацию определенному поведению. Фрейд очень часто спутывает понятия, особенно в своих теоретических работах. Профессор Э. Флу привлек наше внимание к отрывку («Вводные лекции» стр. 234), в котором Фрейд использует слово «мотив» в значении «бессознательный мотив», в смысле, предложенным мной, и подчеркивает факт употребления слова «цель», как синонима слова «мотив». Мр. Питер Александер указал на то, что в этом же самом отрывке Фрейд называет бессознательный мотив «движущей силой в основе действия». Иными словами, Фрейд трактует бессознательные мотивы как цели и как причины. Здесь имеет место простое смешение. Современные психологи обычно используют термины «мотив» и «мотивация» для описания причин: в обычном же языке эти слова описывают цели. Фрейд понимает их в обоих значениях одновременно. Но на практике, приписывая действию бессознательный мотив, Фрейд приписывает ему цель. Эта цель является бессознательной не только в случае отсутствия ее осознания со стороны пациента (это обстоятельство сделало бы ее только предсознательной), но также и при неспособности пациента прийти к ее признанию обычными способами. Именно эта неспособность со стороны пациента является элементом, вносящим фактор причинности в объяснение данного поведения.

Что же сделал Фрейд? Он не просто предложил набор причин для наблюдаемых фактов, невротических симптомов и всего остального, он впервые сказал нам, чем эти наблюдаемые факты являются. Понятие «исполнения желания», которое, как мы видели, имеет большую значимость для теоретической структуры Фрейда, не является подлинным каузальным понятием. Описать что-либо, будь то убеждение или определенное поведение, как пример стремления к исполнению желания, значит, указать на цель этого убеждения или поведения, на удовольствие, достигаемое с помощью него или на избегаемую болезненную ситуацию, а не на движущую силу в основе этого убеждения или поведения. С другой стороны, мы превращаем исполнение желания в каузальное понятие, если устанавливаем предшествующие условия, вследствие которых субъект стремится к достижению такого удовольствия подобным способом. Таким образом, фрейдовское понятие бессознательного мотива подразумевает как причину, лежащую в основе невротического поведения, навязчивого действия или истерического паралича, так и их цель. Например, пациентка перед сном осуществляет навязчивое действие. Цветочные горшки, часы и все, что может создать шум, выно-

⁵ Цитата приводится по изданию: Витгенштейн Л. Философские работы. Часть I Пер. с нем. М. С. Козловой М.: 1994.

сится из комнаты. После этого комната еще раз осматривается с целью удостовериться, что все сделано правильно. Затем свет гасится, но включается снова с целью новой проверки. Как дофрейдянцы, мы скажем, что из-за этого необъяснимого поведения пациентка не может спать и, как следствие, не может вести нормальную жизнь. Фрейд указывает на то, что пациентка соблюдает этот ритуал именно для того, чтобы не спать. Ритуал выражает ее боязненное избегание сна. Затем он объясняет причину такого поведения пациентки, основываясь на чувствах, которые испытывала пациентка, когда в детстве просыпалась в темноте, и когда родители брали ее к себе в спальню. Его указание на цель логически независимо от объяснения причины. Но, когда Фрейд называет поведение пациентки бессознательно мотивированным, он соединяет воедино две разные части своего объяснения. Для того, чтобы правильно различать эти два аспекта и подчеркнуть важность, которую Фрейд придает целям и намерениям, следует пренебречь его рассмотрением причин. Но прежде, чем мы сможем перейти к исследованию этого элемента в его объяснении, давайте подробнее остановимся на особенностях его описания.

Профессор Э. Флу, как и многие другие, указал на аналогию между великими романистами и Фрейдом в их описании человеческого поведения. Романист не сможет представить ясного повествования без опоры на понятный сюжет, на сознательно признанные цели. Даже романисты, лучше других знающие, насколько туманной может быть человеческая реальность, например Марсель Пруст и Генри Джеймс, все равно представляют тени непонятого в свете общего понимания. Но Фрейд, систематически исследуя все, что сбивает с толку и является до настоящего времени непознанным и ненормальным в человеческой жизни, совершенно стирает границы между умопостигаемым и недоступным разуму. В дофрейдовском смысле романистов слово «бессознательный» употребляется для описания действия, которое сам субъект, его выполняющий, не замечает, но которое могут увидеть другие. В фрейдовском употреблении бессознательное остается недоступным как для субъекта, так и для всех остальных до тех пор, пока Фрейд не прибегает к своей диагностической методике. Мы уже приводили отрывок, в котором он указывает на сходство своего метода с работами писателя-романиста. Но, как и в случае с романом, в этой части своей работы Фрейд не собирает достаточно свидетельств для вывода. Он говорит нам, что он усматривает, и что следует искать. А, если мы тоже не способны это усмотреть, то он (и в этом заключается еще одно его отличие от романиста) готов указать нам на цель, которую мы преследуем, этой неспособностью. Таким образом, Фрейд изменяет наши понятия о том, чем являются истерия и невротические навязчивые идеи. Они представляют собой попытку достигнуть удовольствия и избежать страдания, которая проходит незамеченной как для субъекта, так и для всех остальных.

В психоаналитической терапии пациент должен признать свое расстройство таким, каким оно является, и затем, будучи способным правильно идентифицировать свое поведение, ему легче его исправлять. Но самого признания целенаправленного характера его поведения не достаточно для того, чтобы его изменить. Причина этому заключается в следующем. Согласно Фрейду, невротическое поведение в своей сущности является регрессивным. Иными словами, это поведение соответствует определенным ключевым ситуациям из раннего детства, и этот тезис не следует путать с другим тезисом, который Фрейд с ним объеди-

няет, а именно с тем, что первичными причинами, приводящими к регрессивному поведению, являются случаи неспособности справиться с такими ключевыми детскими ситуациями, как, например, отнятие ребенка от груди, обучение пользоваться горшком и ревность к родительской любви. Фрейд же описывал регрессивное поведение, как детское, и одновременно с этим объяснял его, утверждая, что оно восходит к детству. Но на самом деле ситуация еще сложнее. Ибо пациент приходит к признанию истинной сущности своего невротического поведения, к пониманию того, что оно регрессивно, воскрешая в памяти посредством свободных ассоциаций воспоминание о подлинной травматической ситуации из детства, которая воспроизводится во взрослом поведении. Здесь важно не забывать о том, что от простого осознания пациентом на уровне интеллекта нужной ситуации пользы мало. Ему необходимо привести в сознание это воспоминание вместе со всей его эмоциональной загруженностью и прорабатывать имеющиеся отношение к ситуации эмоции до тех пор, пока он не будет готов сформировать новое сознательное отношение, как к детскому прошлому, так и к взрослому настоящему. Например, пациент вдруг проявляет желание покинуть комнату. Аналитик интерпретирует это, говоря, что пациент боится своего порыва убить аналитика. Пациент резко отрицает, что испытывает подобный импульс, и не исключено, что за этим следует поток возбужденных свободных ассоциаций. (Это, как правило, воспринимается аналитиком, как подтверждение правильности его интерпретации, или если даже не абсолютной правильности, то, по крайней мере, приближающейся к абсолютной.) Спустя некоторое время пациент вдруг признается аналитику, что теперь видит правильность его интерпретации. Тогда аналитик высказывает предположение, что желание пациента убить его возникло из-за идентификации пациента аналитика со своим отцом. Пациент точно в такой же манере сначала отвергает это, но потом признает, возможно, вспомнив яркую и важную, но до сих пор забытую ситуацию гнева по отношению к отцу. Подобные происшествия являются обычным делом для аналитической психотерапии. Но наше описание развития анализа пока еще неполно потому, что в нем не хватает рассмотрения того, что происходит в голове аналитика, и почему он предлагает подобные интерпретации. Исходя из вышесказанного, нам необходимо будет прояснить важные для данного очерка аспекты теории Фрейда.

Первая задача аналитика — это идентифицировать поведение. Он видит его бессознательную мотивацию, т. е. он видит ее как выражение страха пациента перед тем, что он может сделать. Он видит цель в основе действия, которую сам пациент не видит. Мы уже рассмотрели, каким образом приписываются подобные бессознательные цели, и поэтому не будем повторяться. Затем аналитик объясняет неспособность пациента это признать, постулируя наличие столкновения между одним импульсом, направленным против аналитика, и другим импульсом, который подавляет первый до степени его полного отрицания. После этого он приводит эти импульсы в сознание пациента посредством своей интерпретации и реакции на нее самого пациента. Затем он проводит работу идентификации, устанавливая параллель между взрослым отношением к нему пациента и его детским отношением к отцу. Наконец, он, посредством новой интерпретации и непрекращающегося потока свободных ассоциаций со стороны пациента, помогает ему избавиться от препятствий, мешающих восстановить забытое детское воспоминание. Для пациента происходит чередование между

идентификацией, т. е. признанием своих действий и чувств, и трансформацией посредством ассоциации, т. е. проработкой своих эмоциональных состояний, отношений и импульсов. Именно это чередование между вмешательством, имеющим каузальное влияние, и идентификацией мотивов и целей, как мне кажется, привело к систематической путанице, отмеченной нами в манере Фрейда говорить о бессознательной мотивации. Это смешение проявляется, вопреки утверждениям профессоров С. Тулмина и Э. Флу, как в случаях рассмотрения Фрейдом определенных клинических случаев, так и в более общих и теоретических высказываниях. Оно порождается реалиями терапевтической ситуации.

Если мы, в отличие от Фрейда, различаем мотивы и причины, тогда какое место можем мы отвести предлагаемым Фрейдом объяснениям причин? Мы сразу же сталкиваемся со всей теоретической структурой Фрейда. Ребенок в раннем детстве проявил какой-либо инстинктивный импульс, берущий начало в первичных процессах; ответом на это явилось осуждение со стороны родителей или какая-нибудь иная болезненная ситуация; поэтому импульс вместе с воспоминанием об этой ситуации был вытеснен; позднее сходная ситуация порождает бессознательный конфликт; вытесненная идея с грузом переживаний вызывает ряд невротических симптомов; привести ее в сознание, значит, избавиться от причины невроза. Такова схема причины невроза, без учета всех подмен и трансформаций, которые могут иметь место в бессознательном. Если мы хотим понятийно оценить это изложение, нам следует отметить, что оно распадается на три части. Во-первых, мы сталкиваемся с утверждением о наличии взаимосвязи между определенными типами детского опыта и определенными типами взрослого поведения. Психология неизмеримо обязана Фрейду за то, что он предположил наличие этих связей, но в них, на самом деле, нет ничего «фрейдовского». Фрейд утверждает, что расчетливый и брюзгливый характер является следствием неправильного обучения пользоваться горшком или, что взрослое отношение к жене в некоторых случаях связаны с детским отношением к матери. Боулби утверждает, что, если в определенный период раннего детства ребенок будет лишен адекватной материнской фигуры, то позднее он не сможет испытывать нормальное чувство привязанности и будет проявлять черты нарушения. Подобные действительные или возможные связи можно умножать бесконечно, и их выдвигание не будет зависеть от какой-либо теории. Проверка этих связей возможна через накопление свидетельств, иными словами, чем больше у нас правдивых свидетельств того, как воспитывались в детстве взрослые пациенты и т. п., тем с большей достоверностью мы можем подтвердить, опровергнуть, а во многих случаях и радикально изменить нашу оценку.

Во-вторых, имеется утверждение, что, вспомнив ситуации из детства (и отреагировав связанные с ними эмоции или достигнув катарсиса каким-либо иным способом), можно изменить поведение. Это утверждение является неоднозначным из-за двух смыслов слова «вспоминать». В одних случаях, когда мы используем слово «вспоминать», мы имеем в виду «сделать утверждение о воспоминании», в других случаях мы подразумеваем значение «сделать верное утверждение о воспоминании». Георг IV помнил свое руководство битвой при Ватерлоо в первом смысле, но не во втором, поскольку его там не было. Эти два смысла слова «вспоминать» я буду называть сильным и слабым смыслом. Фрейд переходит от одного к другому. Или скорее он не придает их различию должно-

го значения. Причина этому связана с одним из его выдающихся эмпирических открытий, а именно с открытием значимости фантазии. В своей ранней терапевтической практике Фрейд с ужасом узнал о том, насколько частыми были случаи насилия над девочками со стороны взрослых мужчин, поскольку его пациентки рассказывали о подобных происшествиях. Расследование показало, что эти истории были выдуманы. Но пациентки лгали не осознанно. Травматическим событием было не настоящее насилие, но ситуация, в которой пациентка имела детскую фантазию, в которой такое насилие вообразалось. Одним из следствий открытия силы фантазии, как в работе Фрейда, так и в работе его последователей, стал отказ от попытки получить независимое подтверждение того, о чем вспоминает пациент (в слабом смысле слова «вспоминать»), лежа на кушетке. Очевидно, что, если слово «вспоминать» понимается в слабом смысле, то в психоаналитической практике более чем достаточно свидетельств фрейдовского утверждения. Если же слово «вспоминать» понимается в сильном смысле, то тогда верификация или фальсификация этого утверждения будет осуществляться по аналогии с примером утверждения о связи взрослого поведения с детским опытом, рассмотренного в предыдущем абзаце.

Все же в этих двух утверждениях упускается многое из того, что сам Фрейд и его последователи посчитали бы важным для общей теории. Относительно самой теории Фрейд делает основной акцент на третье утверждение о том, что причина связи событий детства с взрослой жизнью и терапевтического воздействия их восстановления в памяти является *следствием* того, что воспоминания были вытеснены и задействованы в той или иной форме в бессознательном, а также наглядно проявились в поведении. Ключевым здесь является понятие вытеснения. Фрейд, бесспорно, считает его событием, поддающимся датировке, т. е. чем-то, что имеет место. Следовательно, «вытеснение» — это описательный термин. В самых ранних работах Фрейд рассматривает вытеснение как акт, как выполняемое нами действие, как осуществляемое нами в обычном смысле этого слова вытеснение или подавление определенного побуждения; но вскоре он начинает рассматривать вытеснение как результат взаимодействия системы предсознательного с системой бессознательного. Таким образом, вытеснение — это не просто нечто происходящее, но нечто происходящее с нами. Но можем ли мы наблюдать вытеснение, происходящее с нами или кем-то другим? В этом вопросе терминология Фрейда представляется мне неясной, но, по крайней мере, ясно то, что если бы мы сказали: «Вот эмоционально значимая идея, которая в данный момент подвергается во мне вытеснению», то вытеснение на самом бы деле не произошло. Поэтому, по всей видимости, мы должны не подозревать (*unaware of*) о происходящем вытеснении (я не берусь утверждать, можно ли в данном случае употребить слово «бессознательно» (*unconscious of*)). Следовательно, вытеснение будет ненаблюдаемым. О том, что идея была вытеснена, мы можем заключить лишь на основании последующего поведения или чувств. К тому же, предполагается, что воспоминание может быть вытеснено, только если пациент в действительности столкнулся с ситуацией в детстве, которая является содержанием воспоминания. Поэтому утверждение о том, что вытеснение имело место, логически зависимо от рассмотренного выше утверждения о том, что некоторые из предполагаемых событий детства произошли на самом деле. Однако для того, чтобы показать, что они в действительности произошли, не достаточно просто

указать на имевшее место вытеснение, и сложно сказать, какое вообще свидетельство было бы для этого достаточным. Тем не менее, с этим связана большая часть того, что Фрейд говорит о «бессознательном». Бессознательное объясняет непрерывную связь детства с взрослой жизнью. Именно посредством вытеснения воспоминания попадают в бессознательное. Но само по себе вытеснение неуловимо, и может быть нам дано лишь описательно. Человек может проявлять сильную тревогу или напряжение, но, когда он становится способен восстановить в памяти определенное воспоминание, напряжение и тревога исчезают. Сказать, что он вытеснил воспоминание, значит, сказать, что он был неспособен восстановить его в памяти, а также, что с этой неспособностью были связаны его напряжение и тревога. Но если мы используем понятие «вытеснение» таким образом, то мы всего лишь описываем те явления, на объяснение которых это понятие направлено в его фрейдовском понимании.

Это затруднение, связанное с понятием «вытеснение», по тем же причинам распространяется и на понятие «бессознательное». Вопрос, связанный с этим понятием, теперь может быть переформулирован. Либо бессознательное является недоступной областью с существующими в ней и также недоступными сущностями, либо оно является теоретической и ненаблюдаемой сущностью, введенной для объяснения и определения отношений между рядом явлений, необъяснимых иным образом. В первом случае, если оно действительно существует, то этому необходимы свидетельства. Но *ex-hypothesi* его нельзя наблюдать, и поэтому у нас не может быть никаких свидетельств его существования. Если же мы отбросим этот вариант как слишком наивный, хотя и фрейдовское описание бессознательного как *ding-an-sich* в основе чувственных данных является не менее наивным (оно в некотором смысле сравнимо с другой его метафорой бессознательного как скрытой части айсберга), то тогда, исходя из второго варианта, нам необходимо будет исследовать, какую именно объяснительную роль играет понятие бессознательного. И здесь я нахожусь в полном недоумении. Ибо, ясно описывая то, как поведение по большей части является бессознательно мотивированным, и то, как припоминание событий и ситуаций, являвшихся для нас бессознательными, может оказать терапевтическое воздействие, Фрейд хочет обосновать «бессознательное» не только как прилагательное или наречие, но и как существительное. Но какие иначе никак не прогнозируемые последствия могут вытекать из допущения существования подобной сущности? Фрейдовские гипотезы о том, что источник взрослых черт характера и расстройств находится в детстве, могут быть сформулированы и без отсылки к этому понятию; и, действительно, если формулировка этих гипотез связана с ссылкой на вытеснение, где «вытеснение» означает недоступный процесс или событие (что, как мы увидим, не всегда так), то с введением понятия «бессознательного» эмпирическая область применения фрейдовских гипотез скорее сокращается, а не проясняется.

Мой тезис заключается в том, что, используя понятие бессознательного в качестве объяснительного понятия, Фрейд не обосновывает его или, по крайней мере, не проясняет своего обоснования. Конечно, он приводит каузальные объяснения, но они не должны быть самостоятельными и не зависеть от ссылки на само понятие. Фрейд, бесспорно, приводит и обоснованный вариант понятия бессознательной психической деятельности, но с помощью него он описывает, а не объясняет поведение. Тезис же о том, что гений Фрейда проявился в его

работе по описанию, не оригинален. Д. Э. Мур рассказал нам, как Витгенштейн продвигался в своей работе по описанию в лекциях 1931–32 гг. Но важно понимать, какое влияние она имеет на работу Фрейда. Однако прежде чем перейти к рассмотрению этого вопроса, стоит указать на возможное объяснение, если и не того, почему Фрейд использует понятие «бессознательного» именно таким образом, то хотя бы того, почему так много людей приняло это понятие.

Фрейд сводит целую область невротических реакций к определенным типам ситуаций. Примерами являются проекция, при которой пациент видит в других то, чего не замечает в себе, и интроекция, т. е. обращение на себя своего отношения к кому-то другому. Параноик, не замечающий своих собственных гомосексуальных наклонностей, убежден, что другие обвиняют его в таких наклонностях; депрессивный, не приемлющий кого-то настолько, что готов его уничтожить, не замечает своего отношения и переносит его на себя. Фрейд не только описывает эти ситуации, но и приписывает им предшествующие каузальные детерминанты. Параноики и меланхолики делают все это несознательно, и они неспособны с помощью обычных средств осознать свои действия. Но все-таки они это делают. Так что можно начать говорить, что есть вещи, происходящие бессознательно, т. е. не в сознательной жизни невротика, а в его бессознательной жизни. Но рассуждать подобным образом, значит, на половину воспроизводить картезианское понимание сознания с помощью бессознательного. Бессознательное становится призраком в картезианском сознании.

Вернемся к позитивному достижению Фрейда, заключающемуся в описании. Фрейд, конечно, стремится охватить не только невротические симптомы, но и сновидения, оговорки, шутки и т. п. Витгенштейн указал на то, что Фрейд привел не объяснение, а «поразительное представление» фактов. «Все это блестящие сравнения, например сопоставление сновидения и ребуса». Когда Фрейд «объясняет» сновидение, он на самом деле его расшифровывает. Усмотрение скрытого послания в сновидении подобно усмотрению скрытой формы в ребусе или мозаике. Фрейд, как правило, ясно видел, то, что он делал, но иногда он спутывал описание с указанием на причину сновидения. Сновидение подобно разным частям головоломки, которую представляет собой намеренное поведение, цель которого мы не можем сознательно признать. В сновидении (или оговорке) мы демонстрируем два конфликтующих, но нераспознаваемых намерения, одно из которых подавляет и скрывает под собой второе. Но результатом этого не становится явление, из которого можно было бы просчитать столкновение сил; сновидение производит палимпсест⁶, доступный для расшифровки. Своим согласием с интерпретацией сновидения, пациент не подтверждает каузальное объяснение, но привносит недостающее признание намерения. Поэтому, когда Фрейд интерпретирует сновидение, он определяет намерения, по-новому рассматривая сновидение, а не пытаясь угадать бессознательную деятельность, являющуюся причиной сновидения.

В самом деле, характеризуя свою гипотетическую объяснительную область бессознательного, Фрейд дает правильное описание сновидениям и случаям шизофрении. Такие термины как вневременность, согласованность несовмес-

⁶ Палимпсест — рукопись на пергаменте поверх смытого или соскобленного текста. Здесь: нечто, имеющее скрытую сторону, не видимую на поверхности.

тимых аспектов, отсутствие строгости в противоречии описывают мир сновидения, а не мир недоступного и непознаваемого. Когда Фрейд говорит, что в первичных процессах желание ищет самый короткий путь к удовлетворению, он правильно (или не совсем правильно) описывает инстинктивное стремление ребенка к удовлетворению. Детская сексуальность сама по себе является эмпирическим открытием зон тела, в которых ребенок находит удовольствие, а также отчасти открытием сходства между этим удовольствием и удовлетворением во взрослой сексуальности.

Теперь, хотя и не совсем кстати, нам следует вернуться к ранее затронутой теме только для того, чтобы сделать нашу аргументацию более полной. Утверждая, что намерение должно всегда при определенных обстоятельствах быть признаваемым, я оставил без рассмотрения группу примеров, в которых осуществляется попытка *simpliciter*⁷ приравнять намерение и схему поведения. К таким примерам относится толкование произведений искусства и литературы. Когда мы пытаемся прояснить, что же имел в виду автор, мы ищем значение в тексте, а не в его психическом состоянии. К тому же, если у нас уже есть произведение, то личные признания автора становятся излишними. (Т. С. Элиот часто признавался в том, что он был в абсолютно равной позиции со всеми остальными, пытаясь понять, что значила та или иная его работа.) Но причина того, почему эти примеры не опровергают утверждение о том, что возможность признания является неотъемлемой компонентой намерения (или, говоря более точно, что под «намерением» мы отчасти подразумеваем «то, что скажет сам субъект»), заключается в том, что нас совсем не интересуют намерения в этом смысле. Одно дело — это то, что хочет показать Платон в диалоге «Парменид», и совсем другое — это суть самой описанной дискуссии. Суть литературного произведения или произведения искусства следует отличать от намерения автора. Поэтому при подробном рассмотрении становится ясно, что приведенные выше примеры не относятся к обсуждаемой проблеме. Но они могут создать трудности в случае обсуждения бессознательных намерений потому, что Фрейд время от времени оказывается среди тех, кто не различает суть произведения и намерение автора. К таким людям также относятся и те, кто вообразил, что психоаналитический комментарий произведений искусства может способствовать эстетическому пониманию. Тем не менее, здесь следует сделать одно исключение. Поскольку Фрейд занимался скорее расшифровкой, чем объяснением произведений искусства и сновидений, то он, будучи в первую очередь нацеленным на усмотрение в сновидениях и человеческом поведении того, что другие люди, по крайней мере, до него, в них не видели, мог заметить что-то такое в картине или литературном произведении, что мы бы пропустили. В качестве примера можно привести одно из писем Фрейда, цитируемое Теодором Райком, в котором его анализ ограниченности Достоевского, как писателя, представляет собой не только психоаналитический комментарий, но и критику. Фрейд и в других местах обсуждал личность Достоевского, но здесь он идет гораздо дальше в своих высказываниях о Достоевском, отмечая, что «его интуиция ограничивалась работой ненормальной психики. Примите во внимание его полную беспомощность перед феноменом любви; на самом деле он понимает

⁷ просто, безусловно (*лат.*)

либо грубое инстинктивное влечение, либо мазохистское повиновение или любовь из жалости». Любому, кто заметил эту слабую сторону в «Братьях Карамазовых», являющуюся следствием неудачной попытки сделать убедительным образ Алеша, покажется, что Фрейд указал на важный фактор ограниченности Достоевского. Но, поскольку Фрейд выступает здесь в роли критика, то и его комментарий является критическим. Тот факт, что этот комментарий исходит от психоаналитика, проникшего в суть намерений Достоевского и его личности, не придает ему дополнительной весомости. Ибо суть его романов, их достоинства и недостатки не зависят от намерений автора.

Наконец, из всего, сказанного в предыдущих абзацах, не следует заключать, что я считаю Фрейда наивной жертвой понятийного смешения. Фрейд подвергал человеческое поведение слишком частому и слишком подробному исследованию, вследствие чего не переставал пересматривать свои теоретические понятия вплоть до самой смерти. И, действительно, постоянное внесение Фрейдом поправок всей своей направленностью подтверждает главный тезис нашего очерка. От нейрофизиологии, в которой основное внимание уделяется тому, «что происходит внутри», Фрейд переходит к исследованию структуры мышления, при описании которой он широко использует термины биологии. Примером этому может служить трансформация в его трактовке тревоги, которая сначала предстает, в качестве не нашедших выхода сексуальных импульсов. Будучи измененными и перенаправленными, они оказывают пагубное воздействие на всю систему. При таком рассмотрении импульс, сексуальное либидо, напоминают Количество в фрейдовской неврологической гипотезе или электрические импульсы современной нейрофизиологии. Позднее Фрейд приходит к рассмотрению тревоги в терминах поведения (но не бихевиоризма), т. е. как реакции организма на внешние стимулы, признанные опасными. Его понятия теперь напоминают понятия этологов, на которых он сам оказал сильное влияние. В этой систематической трансформации фрейдовского понятия тревоги заключается вся сущность развития его мысли. Для наших целей наиболее существенным является изменение в его понятии вытеснения. Когда он впервые представляет это понятие в терминах потерянной памяти, оно по существу является объяснительным понятием. Но позднее Фрейд утверждает, что сама по себе забывчивость не является подходящим критерием, указывающим на то, что вытеснение имело место, поэтому он начинает использовать слово «вытеснение» почти как эквивалент «защиты». Теперь сказать, что нечто вытеснено, значит, указать не на выталкивание воспоминания из одной области в другую, а на хитрость, с помощью которой личность защищается в психологически болезненных или опасных ситуациях. Разумеется, устранение воспоминания из сознания само по себе также является подобной хитростью, но теперь Фрейд склоняется к рассмотрению вытеснения в дескриптивных терминах. Таким образом, вытеснить что-либо, значит, бессознательно сделать действие в определенном направлении, причем слово «бессознательно» используется здесь для указания на нераспознаваемые цели описанным нами выше способом. Фрейд, действительно, иногда склонен свести использование понятия «вытеснение» к ссылке на защиты. (Я использую термин «защиты», а не «защитные механизмы», поскольку последний термин вызывает слишком много вопросов.) Связь с потерей памяти сохраняется, например, когда Фрейд использует этот термин

в контексте истерической амнезии. Но Фрейд уже не находится под властью «идей», сыгравших значительную роль в формировании понятия бессознательного. Он приходит к рассмотрению вытесненного скорее в терминах чувств, чем в терминах идей: вытеснение заключается в подавлении (inhibition) эмоции. И, поскольку «подавление» само по себе является метафорой, изображающей выталкивание в другую область, его использование в целях подобного рода описаний является вполне понятным. Если я прав, то тогда неотъемлемые понятия Фрейда, «бессознательное» и «вытеснение», используются описательно; в качестве же объяснительных понятий их роль является в высшей степени сомнительной, если, конечно, не считать объяснением разъясняющее описание. То, что Фрейд использовал их этим сомнительным способом, вовсе не удивительно. Вся его теоретическая работа имеет свойство неряшливости при созидании. Вместо законченной структуры, он всегда предлагает нам захватывающую перспективу работы разными способами выражения и мышления. Одним из следствий этого является то, что его понятийные ошибки и неясности, как правило, более интересны и полезны, чем та старательная тщательность, с которой такое большое количество исследователей в области психологии приходят к убеждению в том, что факты человеческого поведения и опыта гораздо шире, чем понятийная схема, в соответствие с которой они пытаются эти факты привести.

Глава пятая. Теория и терапия

Фрейдовская теория была разработана на основе его терапевтической практики. И, как теория, обобщающая клинический опыт, она является незаменимой. К тому же, указывая нам на аналогии между клиническим и обыденным опытом, это теория становится путеводителем, как в мир нормального, так и в мир ненормального. Но, когда фрейдовские понятия высокого уровня, такие как «бессознательное», берут на себя роль объяснения, мы можем задаться вопросом о том, помогают они или же, наоборот, препятствуют, или, что предпочтительнее, насколько они помогают, и насколько препятствуют. Действительно ли они воспроизводят то, что имеет место в терапии, или же, напротив, скрывают и искажают происходящее?

Рассмотрим, например, часть терапии, состоящую в попытке восстановить утраченные воспоминания. Психоаналитик рассчитывает на то, что пациент вспомнит свое прошлое и увидит его в новом свете. Согласно теоретическому предположению, произошедшее в детстве может быть восстановлено в памяти с помощью интерпретации аналитиком симптомов, материала сновидений и свободных ассоциаций. Предполагается, что для того, чтобы излечиться, нам необходимо узнать правду о раннем детстве. Но узнаем ли мы в анализе *правду*? Уверенность психоаналитика в том, что это именно так, основывается на его вере в понятие «бессознательного», как места для изначально вытесненных воспоминаний. Ибо, в отличие от раннего Фрейда, он обычно не проводит тщательного исследования детства пациента, не обращается к семейным документам, не интервьюирует нянь и не пишет родственникам. Разумеется, у психоаналитика есть основания для такой уверенности. Психоаналитики, подобно офисным работникам, священникам и врачам, на опыте учатся распознавать правдоподобное изложение и уметь различать обман и самообман. Но претензии последователей Фрейда идут

гораздо дальше, чем позволяет скромная основанная на опыте уверенность. Ибо они утверждают, что воспоминания пациента о детстве являются более достоверными в конце анализа, чем в начале. Но предположим, что пациент, немного разбирающийся в психоаналитической теории, мог постепенно «вспомнить» действительную ситуацию из детства. Его психоаналитик, без сомнения, заключил бы, что он не сможет успешно продвигаться в анализе, и, без сомнения, подобные случаи время от времени имеют место на самом деле, и обман становится явным. Но достаточно ли надежна теоретическая структура для того, чтобы гарантировать, что психоаналитик не будет обманут?

Наши сомнения относительно веры в эту теоретическую структуру и ее краеугольный камень, понятие «бессознательного», могут быть усилены еще одним соображением. Общеизвестным фактом является то, что психотерапевты разделены, без всякого преувеличения, на воюющие фракции, одной из которых является фрейдовская школа. Можно было бы предположить, что, обратившись к статистике излечения, легче склониться в пользу одной из них. Но это было бы заблуждением, ибо процент излечения у них примерно одинаковый, насколько об этом можно судить по зачастую неполной статистической информации. Сама по себе статистика много не говорит, т.к. лечение какого-нибудь особенно сложного психического расстройства в течение длительного времени может породить историю одного случая, способную создать лучшее впечатление об используемой терапевтом теории, чем ряд менее сложных случаев. И, тем не менее, истинным остается то, что сторонники различных и противоречащих друг другу методов объяснения психических расстройств, фрейдисты, неопрейдисты, юнгианцы, последователи Адлера, психиатры, использующие физические методы, и другие, достигают излечения. Поэтому успешность клинической практики не может быть проверкой на правильность теоретического объяснения психотерапевта. Дело также и не в простом различии между психотерапевтами. В клинической ситуации очень непросто провести нужный нам эксперимент. Экспериментатор должен придумать такие эксперименты, в которых его гипотеза может оказаться фальсифицированной, выработать ситуации, в которых эта гипотеза, в случае ее ложности, будет неприменимой. Поскольку экспериментатор в данном случае ищет ошибки в гипотезе, то нахождение ситуации, в которой она потерпит неудачу, будет для него победой. Клинический врач, в свою очередь, стремится избавить пациента от его расстройства как можно скорее. Его интересует только то, что ведет к подобному исходу. Интересы клиники и эксперимента здесь ни на секунду не согласуются. Это не значит, что клинический врач не может *иногда* в плодотворных целях экспериментировать со своими пациентами. Это обстоятельство только подтверждает тезис о том, что психотерапевтические гипотезы нельзя оценивать по их клиническим результатам. (В любом случае одним из самых распространенных взглядов является, то, что в первую очередь важно, каким человеком вы являетесь, а не каких теорий придерживаетесь. Циник после определенного опыта психотерапии может прийти к убеждению, и, замечу, ложному убеждению, о том, что для практических целей имеет значение только убежденность психотерапевта в истинности его теории, неважно, какой именно теории.)

Если клинический успех не гарантирует правильность объяснений, используемых самим терапевтом, или объяснений, которые он предлагает пациенту (я не хочу сказать, что они обязательно должны различаться), то психоаналитик

лишается еще одного источника подтверждения истинности заявлений пациента о том, что он вспомнил события из детства. И это усиливает утверждение о том, что психоаналитик опирается на комбинацию, составленную из эмпирического ноу-хау и опыта, с одной стороны и сильной веры в теоретическую структуру Фрейда с другой. Если я прав, то тогда решающее значение имеет только эмпирическое ноу-хау. Этому утверждению не противоречит тот факт, что, основываясь на здравом смысле, мы приходим к ожиданию примерно того же.

Важность всего этого заключается в том, что, среди многих фрейдовских гипотез, проверяемых в лабораторных ситуациях, гипотезы, связанные с вытеснением, являются ключевыми относительно понятия «бессознательного», и необходимым условием для их верификации будет наличие таких вещей как правильное восстановление утерянного воспоминания пациента в клинической ситуации. Сложности с верификацией увеличиваются из-за некоторых других свойств фрейдовской теории и практики. Рассмотрим только три из них. Первым является факт сопротивления пациента интерпретациям психоаналитика. Именно в силу того, что вытесненное воспоминание является вытесненным, существует сопротивление его принятию. Чем ближе к правде интерпретация аналитика, тем вероятнее то, что пациент окажется в ситуации, которую Фрейд описывает следующим образом: «Пока мы анализируем сопротивление, эго, находясь в большей или меньшей степени под влиянием установленной цели, нарушает договор, на котором построена аналитическая ситуация». Таким образом, отказ от признания правильности интерпретации психоаналитика может быть следствием *либо* «сопротивления обнаружению сопротивлений», *либо* следствием неправильности этой интерпретации. Ранее мы рассмотрели ситуацию, в которой интерпретация аналитика может быть принята, не будучи истинной; здесь мы имеем однозначно допускаемую Фрейдом ситуацию, когда интерпретация может быть отвергнута, не будучи ложной. Тот факт, что аналитик действительно тестирует реакцию пациента на предлагаемую интерпретацию, говорит о том, что аналитик стремится не к правильной, а к эффективной интерпретации. Ничто, кроме теоретического увязывания восстановления воспоминания с вытеснением *посредством* понятия «бессознательного», не гарантирует того, что эффективность равна правильности. А эта связь, как мы видели, довольно непрочна. Вторым свойством является понятие амбивалентности. Чередование любви и ненависти, безусловно, важное свойство человеческого поведения. Однако задача подтверждения гипотез усложняется, если наши предположения в равной мере могут верифицироваться как тем, так и другим. Если гипотеза, на основании которой мы предсказываем определенный тип поведения, не фальсифицируется появлением совсем другого типа поведения, по причине того, что эти два типа поведения по существу являются двумя аспектами одного и того же базового отношения, то тогда эта гипотеза должна быть достаточно объемлющей, чтобы распространяться на оба типа поведения, но также и не оправдывать любое возможное поведение. Хотя это затруднение и преодолимо, но оно, тем не менее, является следствием психоаналитического понятия амбивалентности.

В-третьих, максима «Любой симптом является сверхдетерминированным», без сомнения, не позволяет психоаналитику слишком скоро сузить область поиска объяснений для формирования симптомов. Поэтому, если всегда суще-

ствуется гораздо больше, чем нужно причин, достаточных для появления и закрепления невротических симптомов, то тот факт, что определенное объяснение не излечивает симптом, не указывает на неправильность этого объяснения, а лишь на его неполноту. Таким образом, здесь также имеет место сложность фальсификации психоаналитических гипотез, которое, однако, также не является непреодолимым.

Все вместе, эти соображения приводят к мысли, что клинический опыт никогда не сможет адекватно верифицировать или фальсифицировать фрейдовскую теорию целиком. Это вовсе не значит, что психоаналитикам следует ждать результатов экспериментальных исследований, подробно описываемых Сирсом и Моурером, прежде чем с уверенностью решиться на продолжение терапии. Вместо этого мы только вынуждены заключить, что психоанализ, как психотерапия, является сравнительно автономным по отношению к психоаналитической теории. Быть может, это покажется неполной оценкой, но фрейдовский метод лечения не зависит всецело от его теоретических построений. На основании этого обстоятельства, психоанализ, как терапевтический метод, может быть рассмотрен следующим образом. Задача психоаналитика — помочь пациенту принять свое настоящее и прошлое. То, что пациент является невротиком, и не принимает их, подтверждается его неспособностью усмотреть свои собственные цели и мотивы, проявляющиеся в поведении. Его поступки, навязчивые действия, истерическое безрассудство, в качестве целей, остаются для него необъяснимыми, по причине того, что он обладает слишком узким взглядом на себя и ограниченным понятием цели. С введением понятия бессознательного аналитик получает объемлющую картину, в которую можно вписывать любое, неважно насколько ненормальное, человеческое поведение. Этому способствует описание первичных процессов со всеми, свойственными им дикими и необузданными желаниями. Из слов пациента о всем, что он чувствует и помнит, о всем, что может прийти ему в голову, создается хаотический материал его жизни, и теория (представленная *через* интерпретацию аналитика) предоставляет структуру, на основании которой этот материал может быть упорядочен и классифицирован, и могут быть найдены обозначения (labels) для тех аспектов жизни, на которых до сих пор было неудобно останавливать внимание. В процессе анализа пациенту предлагаются аналогии между его взрослым поведением и событиями из детства. Приводимые им фантазии классифицируются в терминах мира детства, состоящего из отнятия от груди, хождения на горшок и родительской заботы, из любви, ярости и страха. Таким образом, работа аналитика заключается в упорядочивании прошлого, так, чтобы оно воспринималось в настоящем. Он предлагает не объяснение, а скорее распознавание и классификацию. И понятие «бессознательного» выступает в роли классификационного ярлыка, в роли категории, к которой могут быть отнесены многие из теперь осознанных пациентом аспектов жизни.

Если это так, то, конечно, психоаналитик поразительным образом независим от теории, сторонником которой он является. Понятия, которые он использует, будут достаточно гибкими, чтобы распространяться на все возможные события, а «высказывания», посредством которых он их выражает, будут нефальсифицируемыми. Без сомнения, психоаналитики скажут, что я чрезмерно искажаю то, что они делают; но допустили бы они возможность хоть какого-нибудь довода, способного опровергнуть их гипотезы и заставить их основательно изменить

свои теоретические понятия? Можно привести ряд причин, по которым «нет» будет самым вероятным ответом на такой вопрос. Это причины довольно разного типа. Я не буду останавливаться, например, на эмоциях, являющихся результатом прений относительно самого психоанализа, или на страстях, свойственных дискуссиям о нефальсифицируемости, которые напоминают традиционную *odium theologicum*⁸. Наиболее существенной является та уверенность, которую психоаналитики испытывали и испытывают к тем разделам в теории Фрейда, которые до сих пор не получили адекватного подтверждения. Согласно их собственным заявлениям, они основывают эту уверенность на клиническом опыте, но клинический опыт, как мы уже видели, не обеспечивает нас необходимым подтверждением. Более того, их новые открытия занимают место в уже существующей структуре, не подвергая ее малейшей опасности опровержения. Актуально данному тезису высказался доктор Эдвард Гловер: «Основные понятия, на которых основана психоаналитическая теория, могут и должны быть использованы в качестве дисциплины, контролирующей все гипотетические изменения в психическом развитии и все этиологические теории, которые не могут быть непосредственно верифицированы клиническим психоанализом... Часто утверждается, что Фрейд был всегда готов изменить свои формулировки, если того требовала эмпирическая необходимость. Несмотря на то, что это верно относительно определенных частей его клинической теории, по моему мнению, это не распространялось на его основополагающие понятия» (Основные психические понятия, стр. 1). Это в очередной раз указывает на то, что основополагающие тезисы фрейдовской теории являются нефальсифицируемыми.

Здесь уместно упомянуть еще одно свойство в теории Фрейда. Фрейд пытался создать теорию человеческого поведения вообще, а не теорию европейского, западного поведения, или, как утверждали многие его критики-марксисты, теорию поведения венских буржуа. (Хотя, читая Карла Крауза, можно задуматься и об этом.) Сам факт того, что Фрейд пытался это осуществить (не говоря уже о том, к чему привело его это стремление в «Тотеме и табу») ставит под сомнение его теорию вообще и понятие «бессознательного» в частности. Ибо это понятие, как мы видели, неразрывно связано с понятием вытеснения, которое, в свою очередь, зависит от болезненных ситуаций из раннего детства. Но, как показано в работе Малиновски и многих других, важное значение в данной ситуации имеет социальная и семейная структура, влиянием которой пренебречь невозможно. Сам Фрейд этого не предусматривает, многие фрейдисты приняли этот аспект во внимание.

Таким образом, мой аргумент заключается не только в том, что понятие «бессознательного» сложно понять, основываясь на других понятиях, с помощью которых Фрейд пытается его прояснить, но также и в том, что довольно сложно найти место, где общая структура фрейдовской теории, частью которой это понятие является, могла бы найти подтверждение. Однако следствием неспособности клинического опыта предоставить нам подобное подтверждение, является тот факт, что психоанализ, как терапевтический метод, не подвергается влиянию понятийных несоответствий в фрейдовской теории. Тем не менее, данное утверждение не исчерпывает все возможные области, в кото-

⁸ теологическая ненависть (*лат.*)

рых понятия этой теории сталкиваются или даже вступают в противоречие с понятиями терапии.

Вероятно, наиболее резкое различие, встречающееся в фрейдовской клинической практике, это различие между страдающим невротиком и успешно проанализированным пациентом. Невротик страдает от навязчивых ритуалов, напуган мнимыми убеждениями, не понимает своего собственного поведения и не может его контролировать; проанализированного пациента Фрейд описывает как обладающего «знанием себя и большим самоконтролем». Таким образом, «излечение» для Фрейда, в отличие от тех, кто практикует физические методы в психиатрии, значит не только «облегчение невротических симптомов». Быть вылеченным значит стать разумным, осознающим настоящую природу определенной ситуации, способным с ней справиться, а не быть ею подавленным. Но любопытно то, что это различие, без которого весь проект психоанализа потерял бы всякое значение, уничтожается детерминизмом общей теории Фрейда. Причина утверждения Фрейдом детерминизма может заключаться в философском материализме, оказавшем сильное влияние на ученых времен его юности. Но вся структура его теории приводит к тому, что он утверждает вездесущее причинно-следственное воздействие, которому сознание подвержено со стороны бессознательного. Поэтому в своих поздних работах он пишет как о «присутствии абсолютного значения и детерминизма, распространяющихся даже на наиболее неясные и случайные явления психической жизни», так и о «большей свободе внутри сознания, которая отличает сознательную психическую деятельность в систематическом смысле от бессознательной». Если провозглашается детерминизм, порождаемый убеждениями Фрейда относительно бессознательного, то тогда разница между навязчивым ритуалом невроза и нормальным поведением будет заключаться только в нормальности, поскольку в обоих случаях о человеке все равно можно будет сказать «Он не мог поступить иначе, чем поступил». В самом деле, оказывается, что в некотором смысле нормальный человек заблуждается в большей степени, чем невротик. Ибо при навязчивых неврозах пациент осознает принуждение (compulsion) выполнять ритуал, тогда как нормальный человек, в случае, если детерминист прав, обладает иллюзией свободного решения. Таким образом, психоаналитик, как терапевт, отличает навязчивое и несвободное невротическое поведение от нормального свободного выбора, но, как теоретик, провозглашающий понятие бессознательной причинной обусловленности, он вынужден отрицать это различие и рассматривать обоих людей как несвободных. Эти парадоксы не только недопустимы сами по себе, но они также опровергают всю значимость слова «навязчивый» при описании невротического поведения.

Это различие является не единственным различием, искаженным подобным образом. Ибо образ сознательной психической жизни, как следствия взаимодействия бессознательных сил, сводит переход от невротического поведения к нормальному, т. е. все психоаналитическое лечение, к вопросу вызова изменений в личности пациента. Рассматривать психоанализ под таким углом, значит, потерять различие между анализом, как методом терапии, и физическими методами лечения психических расстройств, использующих лекарства и хирургическое вмешательство. Очевидно, что последние являются каузальными методами, направленными на изменение поведения. Они изменяют пациента, изме-

няя его физиологию. Но в психоанализе важную роль играет элемент терапии, состоящий в осознании пациентом того, что определенные убеждения являются ложными, и что некоторые его действия имеют смысл только на основаниях, которые, будучи проявленными, отрицаются пациентом. Здесь в действие вступает рациональность пациента. Теперь он больше не является объектом каузального манипулирования.

Столкновение между языком рациональности и ответственности и языком детерминизма в работах Фрейда остается неразрешенным. Оно создает затруднение философского характера, которое имеет значимость и за рамками обсуждения психоанализа, и здесь не место для поиска его решения. Но если мы не укажем на ее присутствие и не подчеркнем его, то тогда мы можем в интересах сохранения теоретической структуры, зараженной путаницей, сгладить такие различия, как различия между сильно нарушенным невротиком и им же после успешного анализа или находящимся между психоаналитическим и физическим методами в психиатрии. Основная мысль здесь заключается, конечно, не в том, что прояснение этих различий должно зависеть от успешного философского анализа проблем детерминизма и ответственности, а скорее в том, что ни одна трактовка этих проблем не может считаться адекватной, если она пренебрегает этими различиями. И мы не нуждаемся в философии, чтобы увидеть подлинность этих различий.

Дело не только в том, что на данном этапе некоторые ключевые различия могут оказаться размытыми, но также и в том, что упускается основной акцент и направление работы Фрейда. Очень часто представляется, что Фрейд подрывал рационалистскую концепцию человека, как самодостаточного, самосознающего и самоконтролирующего существа, и мы склонны забывать, что, даже если он и отказался от этой концепции относительно человека, такого, какой он есть, он никогда не отказывался от этой концепции относительно того, каким человек должен быть. «Где было id, будет ego». Фрейдовское обнаружение бессознательных целей является открытием того, что люди в большей, а не меньшей, степени рациональны, чем мы думали. Весь его метод лечения основывается на убеждении в том, что люди смогут смело посмотреть в лицо беспокоящей их ситуации и рационально с ней справиться, если только у них появится такая возможность. Фрейд скрывает это от нас, резко отрицая наличие всякой моралистической цели в своей работе. Тем не менее, он способствует продвижению идеала морали, в котором рациональность занимает центральное место. Если бы Фрейд не был убежден в том, что разумность лучше предубеждений, умение управлять ненавистью лучше, чем предоставление ей полной свободы, что сочувствие вместе с объективностью лучше, чем отказ от рассмотрения своего поведения и поведения других, то ни его теория, ни его практика не имели бы никакой цели. Фрейд описывает бессознательную сторону нашей сущности не из простого интеллектуального любопытства: он хочет, чтобы мы ее осознали, научились контролировать и познали себя настолько, насколько это возможно. Мистер М. Б. Фостер указал на аналогию между сократическим и фрейдовским идеалами самопознания. Но для утверждения подобной аналогии, необходимо рассмотреть и возражения на нее.

На протяжении этого очерка я отстаивал наличие сходства между психоаналитическим употреблением понятия бессознательной мотивации и нашими

обыденными дофрейдовскими понятиями, и в предыдущем абзаце была представлена подобная аналогия между методом трактовки невротического поведения в аналитической терапии и своего рода развитием ценностной самооценки (*ascesis of appraisal*), заложенной в основе морали. Обычной реакцией психоаналитиков на проведение подобных аналогий становится обвинение в том, что в них упускается подлинная уникальность Фрейда, а вместе с ней и значимость особенностей бессознательного, как системы психических событий. Только предсознательное, а не бессознательное, может подобным образом быть приравнено к нормальному. В этом обвинялись не только философы, комментирующие фрейдовскую теорию и практику, но и многие психотерапевты, признанные еретиками и раскольниками. Относительно этого обвинения мне бы хотелось сделать три замечания.

Во-первых, не следует рассматривать, как простую, аналогию между нашим обычным пониманием целей и фрейдовским пониманием бессознательно мотивированного поведения. Неправильно думать, что до Фрейда мы полностью понимали, что имели в виду, когда говорили о целях и мотивах, но затем Фрейд изобрел новый способ описывать невротическое поведение, который сначала казался нам эксцентричным, но теперь стало ясно, что он напоминает наш обычный дофрейдовский способ выражения. Рассматривать вопрос таким образом, значит, на самом деле недооценивать достижение Фрейда. Только в свете фрейдовского описания ненормального, мы смогли получить хоть насколько-то адекватное понятие нормального. Понимание того, каким образом цель может быть бессознательной, является необходимым шагом на пути к целостному пониманию того, что мы вообще подразумеваем под словом «цель». Поэтому приведенная мной аналогия является не столько поверхностным комментарием на Фрейда, сколько попыткой выяснить то, что заложено в высказывании самого Фрейда. Во-вторых, в данной работе я пытался логически классифицировать случаи фрейдовского употребления слова «бессознательное». Но я практически ничего не сказал о сложных формах поведения, которые он в подробностях описывал, используя этот термин. Такие термины как истерия, навязчивые неврозы, тревога, паранойя являются ничего не говорящими нам ярлыками до тех пор, пока не будут собраны, сравнены и классифицированы несколько историй отдельных клинических случаев. В действительной терапевтической работе, также как и при описании, важное значение имеет накопление деталей. Психоанализ невозможно постичь, без осознания неизбежной бесконечной и мучительной сложности, характеризующей этот процесс, терпения, которое требуется как от аналитика, так и от пациента, хитросплетений и заблуждений, труда и усталости. Не говоря обо всем этом практически ничего, я не принял во внимание саму сущность работы Фрейда. Но, когда я обсуждал его понятия, я пытался о ней не забывать. Различия между психоаналитическим и дофрейдовским описанием наших мотивов и развития являются поразительными, особенно на феноменологическом уровне. Но есть также и сходства, демонстрация которых была частью моей задачи в данном очерке. В-третьих, проведенное мной исследование логического статуса таких терминов как «бессознательное», как мне кажется, не приводит к каким-либо конкретным заключениям относительно психоаналитической теории, хотя из него можно вывести одно общее следствие. Например, из того факта, что доктор Эдвард Гловер критикует последователей

Мелани Кляйн за отсутствие у них достаточно серьезного отношения к фрейдской метапсихологической системе бессознательного, предсознательного и сознательного, не следует делать вывод, что, критикуя использование термина «бессознательное», я привожу доводы в поддержку позиции Мелани Кляйн. Из всего, сказанного мной, следует заключать, что в случае появления разногласий в области психоанализа, их в первую очередь необходимо формулировать настолько, насколько это возможно в описательных терминах. В науке всегда опасно слишком быстро переходить к теории, но зачастую эта опасность является неизбежной; тем не менее, при встрече с теоретической структурой, близкой по широте охвата и гибкости к структуре Фрейда, необходима чрезвычайная осторожность. Многие авторы работ по психоанализу учли это обстоятельство. Они рассматривают теорию Фрейда, не как нечто, что следует целиком принять или отвергнуть, а как теорию, требующую подробного анализа в интересах клинического опыта. Я хотел указать только на необходимость подобного тщательного анализа фрейдской теории в интересах ясности. А эта необходимость порождается важностью теоретической работы Фрейда.

Если следствием этого тщательного анализа станет искоренение всех спекуляций относительно бессознательного как сущности, то вместе с ними будет снят один ненужный источник многих психотерапевтических дискуссий. Когда возникают дискуссии о свойствах бессознательного, например, между фрейдистами и юнгианцами, очевидно, что в них переплетается множество сугубо эмпирических и теоретических вопросов. Но тот факт, что эти дискуссии проводятся так, будто в них речь идет о свойствах действительной сущности, их излишне осложняет. Является ли Бессознательное только индивидуальным или также коллективным? Правда ли, что юнгианцы обнаружили нечто большее, чем предсознательное? Не игнорируют ли они подлинное бессознательное? Эти вопросы задаются повсеместно. Но, разумеется, задаваться вопросом о том, какие предикаты могут быть правильно приписаны Бессознательному, можно только в том случае, если мы сначала допустим его, как сущность. Фрейдисты склоны критиковать юнгианцев за умножение сущностей, за неуважение к Оккаму, заложенное в идею Коллективного Бессознательного. Но те доводы, на основании которых мы можем с недоверием относиться к введению коллективного бессознательного, являются также и основанием для недоверия к бессознательному вообще, за исключением бессознательного, как метафизического понятия, как результата попытки более-чем-научного объединения понятий.

Нас не должно удивлять предположение, что, рассматривая бессознательное, как сущность, мы променяли науку на метафизику. В самом начале мы видели, что привлекательность этого понятия заключалась в том, что оно, похоже, предвещало появление общей формулы, с помощью которой можно было бы достигнуть теоретической унификации в исследовании человеческого поведения. Сейчас настало время задаться вопросом относительно возможности такой унификации. Модель для этого проекта берется из физики, которая, будучи самой передовой наукой, зачастую принимается другими науками, как пример для соответствия. Без сомнения, в каком-то смысле возможно на основании общей теории описать то, чем являются люди, и что они делают: однажды нейробиологи предоставят нам свой полный отчет, который можно будет свести к набору химических и, в конце концов, физических объяснений. Но даст ли

этот отчет, то, что нам нужно? В нем будут приведены все необходимые условия человеческого поведения, но не будет сказано ничего об особенностях свойственных именно человеку. Для этого нам необходимо иное рассмотрение, такое, какое нам предоставляют писатели, а не ученые. Иными словами, изобразить то, что свойственно человеку как человеку, а не как нервной системе и мышцам, или цепи молекул, или фундаментальным частицам, значит вообще отказаться от объяснения. Или, по крайней мере, объяснять так, как объясняли Пруст и Толстой. Фрейд без сомнения был ученым, но помнить об этом, значит, расширять концепцию науки. Ибо его главное достоинство заключалось в способности увидеть и написать, чтобы мы тоже смогли увидеть. Но способны ли мы на это? Это сомнение он также посеял в наших умах.

Представить работу, проведенную Фрейдом, как целостную систему, значит, рассмотреть его труды по бессознательной мотивации в качестве матрицы, в которой можно указать и выделить любой элемент. Таким элементом может быть импульс для усовершенствования нейрофизиологического объяснения, который присутствует и в понятии бессознательного, представленного в терминах каузальности. Им также может являться идеал сознательной рациональности, придающий работам Фрейда как моральный, так и дидактический оттенок. Им может быть факт распознавания того, что ранее либо не замечалось, либо отвергалось. Таким элементом также может являться построение гипотез о причинно-следственном влиянии раннего детства на взрослое поведение. Попытаться вычленить и разделить эти элементы, значит узнать, насколько многому учит Фрейд.